

Вадим Попов

Серия «Шаман»

Книга 1

ОХОТНИК за планетами

Вадим Георгиевич Попов
Охотник за планетами
Серия «Шаман», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63191062

Аннотация

Земли больше нет. Катастрофа, уничтожившая колыбель человечества и ее планету-побратима, была мгновенной. Официальное расследование засекречено. Воспитанный инопланетной расой шаман Яр Гриднев не верит в непоправимость произошедшего. Вместе с экипажем торгового корабля «Ленинград-115» он пытается докопаться до правды... Яр не предполагает, через какой жестокий лабиринт интриг, предательств и схваток ему придется пройти, и какова цена за будущее человечества.

Содержание

Часть первая	4
1	4
2	7
3	10
4	14
5	20
6	33
7	39
8	47
9	58
10	65
11	68
12	79
13	87
14	93
15	96
16	101
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Вадим Георгиевич Попов

Шаман. Охотник за планетами

*Моим родителям,
с любовью и благодарностью*

Часть первая

Кровь с молоком

1

– Привет, пилоты. Шаман на борту нужен?

Глядя в глаза капитану, которого он опознал по значку классности над черно-синим шевроном Союза вольных торговцев на рукаве комбинезона, Яр Гриднев улыбнулся и присел на траву. Сбросил с плеча ремень и пристроил чехол с посохом на коленях. Рослый мужчина, одетый в такой же летный комбинезон, сидевший рядом с капитаном, едва заметно насторожился и переместил руку поближе к кобуре.

– Где же твой бубен, шаман? – спросил капитан вместо приветствия, ощупав взглядом рюкзак за спиной Яра.

– Нет у меня бубна.

– А чем стучать будешь?

– Посохом ярранским стучать буду. Так вам шаман нужен или танцор с бубном и в шкурах?

Капитан посопел и потянулся за электронным планшетом.

– Предъявляй инфу, психарь, а там говорить будем.

Яр протянул узкую пластинку с чипом электронного удостоверения. Сбросив данные на планшет, капитан погрузился в чтение. Сейчас он перебирал статистику полётов Яра в качестве психотехника и как простого пассажира. Правда платить за пассажирское место Яру приходилось всего пару раз: любая команда почитала большой удачей взять хорошего психотехника на борт даже на часть рейса.

– Не знаю, – капитан странно тянул время, словно был готов согласиться, но что-то мешало ему это сделать.

– Извините, ребятки, на Метрополис в ближайший месяц с Альса летите только вы и вам уж придется меня взять. Так или иначе, – Яр протянул капитану синий с серебром жетон полицейского управления и старательно улыбнулся. «Ребятки» заметно напряглись.

– Так ты из этих?

По мере сканирования жетона дружелюбия в голосе капитана не прибавилось, зато возникла некоторая покорность судьбе.

– Межгалактический отдел поведенческих реакций. Временный сотрудник. Но полномочий дохрена.

Капитан переглянулся с пилотом и пожал плечами. А потом протянул Яру руку.

– Капитан Ежи Чанг. А это первый помощник Аккер. Добро пожаловать на борт. Нам давно пора прыгать с этой каменишки, так что можешь начинать готовить корабль к старту.

2

Это был небольшой корабль-торговец, из тех потрепанных судов, которые не принадлежат ни одной из торговых корпораций, но на страх и риск частного владельца могут пересекать всю исследованную часть Вселенной, от Солнечной системы до родных систем чужих, торгуя всем, чем можно, а порой и тем чем нельзя. В трюме такого корабля можно было обнаружить всё что угодно: от необработанной урановой руды до кристаллов ирканской воды, в сохраняющих ее целебные свойства магнитных ловушках, от запрещенной в большинстве миров псило-сомы до партии подержанных армейских ремонтных дроидов, которые очень ценятся на осваиваемых планетах за неприхотливость и универсальность. Многие капитаны, которые сплошь и рядом сами были хозяевами своих судов, если и не опускались до обычного пиратства, то нередко торговали, и рабами, и оружием, и наркотиками. Периодически очередной заигравшийся авантюрист вместе со всей командой отправлялся на тюремную планету, чтобы до конца дней своих, как любили говорить полицейские остряки «делать из больших астероидов маленькие». Впрочем, не желавший подчиняться командам патрульного крейсера корабль нередко просто уничтожали – на необъятных пространствах, на которых существовало расселившееся по сотням планет человечество, хотя бы видимость порядка мож-

но было поддерживать, только принимая жесткие меры к его нарушителям.

Капитан «Ленинграда-115» не был ни пиратом, ни контрабандистом. Корабль Ежи Чанга курсировал между несколькими галактиками Терранской федерации, в основном пробавляясь не слишком выгодными поставками оборудования и продовольствия на шахтерские планеты. Ежи Чанг был не склонен к риску, поэтому, волей случая, оставшись без психотехника, продолжать рейс не торопился. Разумеется, внезапное появление недостающего специалиста с солидными рекомендациями его обрадовало. Но, как и большинство пилотов, к полицейским он относился с некоторым предубеждением. Естественно, самому приглашать на корабль человека работающего на полицию капитану не хотелось. Но парень вроде бы оказался ничего, нос не задирает и на жесткую койку в такой же как у всех, узкой как спасательная капсула каюте жаловаться не стал. Надо приглядеться, может сгодиться и на постоянное место в экипаж. Да и сколько можно сидеть на этой захолустной планете, а тут такой случай... Вот сейчас закончит свой ритуал, и полетим.

Ежи Чанг сам себя подбадривал, чувствуя, что не может по-настоящему обрадоваться разрешению ситуации. Что-то мешало, неясное предчувствие заставило его забыть про остывавший перед ним кофе.

Перед тем как начать ритуал, Яр вежливо выгнал всех из корабля и попросил постоять в сторонке. И теперь развер-

нувшись на потрескавшемся пластиковом сидении продавленного диванчика в кафе космопорта, Ежи Чанг смотрел и смотрел сквозь давно не протиравшееся оконное стекло, как работает психарь.

3

Парень с коротким посохом в правой руке медленно обходил «Ленинград-115» по часовой стрелке. Глаза шамана были полузакрыты, ярранский посох, несмотря на свой небольшой размер, издавал странный полустук-полушелест, который был вполне отчетливо слышен на бетонном пятачке между двух лавок рядом с кафе, где десяток человек из разных экипажей и obsługi космопорта курили после обеда. Сейчас пилоты закончили обсуждать те или не те фильмы были закачаны в корабельные компьютеры на прошлых стоянках, кто и что успел посмотреть во время вынужденного безделья во время гиперпрыжка, а также, сколько и каких фильмов следует попробовать уломать капитанов закачать на следующей торговой станции. Разговор сам собой затих, только потусторонне постукивал посох. Все разглядывали нового психотехника с «Ленинграда-115». Ничего примечательного в нем не было. Джинсы, куртка, рост выше среднего, падающая на глаза челка.

Фигура с посохом прекратила перемещение по кругу, остановившись рядом с одной из опор корабля. Посох то медленней, то быстрее ходил вдоль нее, по-прежнему издавая свой странный стук и не касаясь нагретого на солнце металла.

– Клоун... – как-то кисло произнес один из механиков

космопорта, щуплый молодой негр, выцарапывая из кармана полукомбинезона сигаретную пачку.

– Клоун-то клоун, а вот скажи, Джоник, – обратился к механику старший смены, аккуратно туша окурок о край урны, – ты пневмосистему в стойках после посадки того корабля проверял?

Джоник принялся молча сплевывать, пытаясь попасть в трещину на бетоне.

Фигура на несколько секунд замерла, затем, встряхивая посохом, повернулась вокруг своей оси и вновь остановилась. Потом Яр открыл глаза, посмотрел в сторону курящих, и сделал приглашающий жест рукой.

В этот момент второй пилот «Ленинграда-115» Камински, держа руку с сигаретой на отлете, повернула голову, чтобы через плечо сказать обнимавшему ее первому пилоту Аккеру какую-то шуточку в адрес незадачливого Джоника. Ее глаза поймали жест Яра, и в тот же момент ее улыбка куда-то исчезла, а сигарета выскользнула из пальцев.

– Нинель, ты обалдела?

Аккер дернул ногой, стряхивая с брючины горящую сигарету.

– Похоже, сегодня кому-то нагорит, – ухмыльнулся старший смены, окинув взглядом механика, и пошел к кораблю.

Джоник пнул ногой урну и, повторив что-то про чертова клоуна со всеми его родственниками, поплелся за начальником.

Высвободившись из объятий Аккера, Нинель задрала голову, посмотрела ему в лицо и дернула за рукав.

– Пошли в кафе.

– Ты не наелась? Только что же...

Нинель склонила голову к левому плечу и негромко вздохнула.

– Ак-кер...

Пилот узнал эту проникновенную интонацию девушки, которая в сочетании с мимикой говорила о готовности Нинели проявить свой непростой характер во всей красе, если ее не услышат и не сделают так, как она хочет. Аккер развел руками, стараясь не задеть никого из курящих вокруг звездолетчиков, что при его телосложении могло привести как минимум к легким телесным повреждениям, и, кивнув, отправился вслед за Камински.

Кафе в космопорте Альса было стандартным заведением для планеты служившей шахтерской базой, на которую туристов калачом не заманишь.

Нетерпеливо пританцовывая и крутя головой, отчего ее темные, собранные в конский хвост, волосы прыгали по плечам как рвущаяся в атаку ирканская огненная змея, Камински протащила Аккера через стеклянные двери, мимо музыкального автомата и мимо с интересом глядевшего в окно капитана Ежи. Психаря возле корабля уже не было, зато возле одной из стоек размахивал руками старший смены и рассматривал бетон у себя под ногами вконец помрачневший

Джоник. Аккер попытался притормозить возле капитана, но Нинель упрямо волокла его за собой мимо одинаковых столиков, украшенных вазами с пластиковыми цветами, мимо телевизора над барной стойкой гнусаво певшего о «любви угасшей среди звезд», дальше и дальше, в самый дальний угол кафе. Сесть привычным образом, лицом к двери, она Аккеру не дала, усевшись сама спиной к стене, чтобы видеть и дверь, и площадку с кораблем.

Когда после окрика Камински приторможенная официантка, с расплывшимся цветным пятном татуировки на запястье, налила им кофе и, получив категоричное пожелание «приглушить этот идиотский ящик», наконец ушла, Нинель разом перестала пританцовывать и, положив руки по обе стороны дымящейся кружки, посмотрела в лицо первого пилота.

– Аккер, ты понял, кого нанял Ежи? Ты его узнал?

– ...

– Вспоминай, вчера на ярмарке!

– И?..

– Этот тот коп, который вчера взял берка.

Аккер выпучил глаза.

– Этот мальчик? Взял берка?

Он помотал головой.

– Нее... с чего ты... Да и как ты его узнала?

Камински улыбнулась и, отхлебнув кофе, неторопливо начала объяснять.

«Ярмаркой» Нинель называла местный луна-парк. У нее с детства остались греющие душу воспоминания о поездках с отцом на ярмарки, о каруселях с лошадками и космическими кораблями, комнате смеха и Пещере Бабы-Яги, глотающих огонь и клинки турецких факирах и танцующих на силовых полях ирканских акробатах, бездонных пакетах попкорна и гигантских петушках на палочке, и, конечно же, непременно сенсационном приезде очередного «Самого Свирепого Борца Галактики», готового помериться силой на ринге с любым из местных парней. Камински отслужила десять лет, из которых шесть она провела в десанте, прошла от звонка до звонка Беркский конфликт, а также достаточно нахлебалась просчетов земных политиков, которые командование затыкало десантными частями. Но вся кровь и грязь военной карьеры в частях быстрого реагирования не смогли убить в ней ту фермерскую дочку с периферийной планеты, которая в ответ на фразу «Нинка, в выходные едем на ярмарку!», начинала ходить вокруг отца колесом, теряя правую сандалету с вечно порванным ремешком и разбитым носком от ударов по футбольному мячу.

Об этой склонности ефрейтора десантных войск Камински («Знамя на штыке» третьей степени, «Серебряная звезда за храбрость», не говоря уже о медалях и бесчисленных бла-

годарностях) к простым радостям жизни знали немногие. За шесть лет их романа Аккер только молча удивлялся, не подавая виду, и не переставал хвалить себя за то, что не проглядел такую девушку. Когда они вместе выходили в отставку, первым тостом, который он произнес, чокаясь с Нинель бокалами шампанского, был «За жизнь!». Традиционный тост космического десанта для уходящего на гражданку Аккера приобрел двойное значение: они оба не только были живы, но и остались собой.

В десанте пилоты не были отдельной кастой, как в других родах войск. Аккер до сих пор иногда видел во сне ту неудачную высадку на заштатную планетку, не имевшую даже названия, а только важное стратегическое значение, да еще номер, который он вряд ли когда-нибудь забудет. В тот день оба крейсера поддержки и половину десантных транспортников берки сожгли еще в атмосфере и наступление захлебнулось не начавшись. При посадке борт Аккера как следует зацепило и взлететь он уже не смог. Когда в паре курносых сдвоенных пушек корабля кончились плазменные заряды, Аккер встал за турель подбитого при выгрузке БТРа, когда и ее боезапас иссяк, он выдернул из чьих-то мертвых рук базуку. А потом берки пошли в рукопашную... Словом, Аккер на своей шкуре познал истинность не слишком веселой армейской поговорки, гласящей что «десантура и пилот хлебают смерть из одного котелка». И слишком часто Аккер видел, как война превращает людей в спивающихся психов на гра-

ни самоубийства, живущих одним днем. Неудивительно, что если женщина задерживалась в десанте (а это случалось не так уж часто), то либо превращалась в «мужика в юбке», либо обладала особым «десантным» характером. В числе прочего Аккер ценил Нинель и за то, что она избежала первого варианта, а второй его вполне устраивал.

В тот вечер насладившись «русскими горками» и выпив по паре кружек пива, они отправились проветриться, просто посидеть на скамейке под деревом у входа в парк, вдали от музыки и гуляющего народа. Тут-то они и увидели странную фигуру, возникшую в конце аллеи.

Вообще-то после поражения в Беркском конфликте, беркам было запрещено где бы то ни было кроме своих территорий и своих кораблей пользоваться способностями к телепортации, свойственными всем представителям этой расы, но на окраинных планетах это правило не слишком соблюдалось. Поэтому когда в конце зеленого тоннеля аллеи в центре неяркой вспышки появилась длинная, чуть сутулая фигура берка в одинаковом у всех гуманоидных рас мешковатом рабочем комбинезоне, быстро направившаяся к выходу из парка, особого фурора это не произвело. Лишь куривший на соседней скамейке изрядно набравшийся мужик проворчал «Проклятые долгопятые!», да гадливо поморщился и хрустнул пальцами Аккер. Чужой на первый взгляд отличался от человека только слишком длинными конечностями (хотя на самом деле руки и ноги берков имели по сравнению

с «хомо сапиенс» по одному дополнительному суставу), да чуть вытянутым по сравнению с человеческим лицом с бледным, отдающим в синеву, как у покойника, оттенком кожи. И конечно глаза – большие, светлые, выпуклые как фары, на человеческий взгляд не выражающие ничего. Тело каждого берка покрывали костяные пластины экзоскелета, пробить которые было под силу не каждому оружию. Несмотря на выпитое пиво, Нинель почти сразу увидела, что перетянутая бечевкой картонная коробка с прозрачным пластиковым окном, сквозь которое были видны пунцовые розы, в правой руке чужого качается чуть-чуть не в такт его шагам, словно живя собственной жизнью. Берк несет кому-то цветы? Ну-ну... А может этот подрабатывает курьером? Она неспешно (все-таки выпивка давала о себе знать) соображала, что к чему и берк уже подходил к воротам парка, когда путь ему заступила человеческая фигура. Из-под голографической маски-шлема с полицейской эмблемой прозвучал довольно молодой голос с едва ощутимым акцентом:

– Полиция! Медленно опустите сверток на землю, поднимите руки и опуститесь на колени.

Чуть помедлив, он добавил:

– И тогда я обойдусь с тобой мягко, берк.

Вместо ответа чужой рванулся вперед. Двухметровое тело берка, словно щупальце или хвост, выпустило из правого рукава гибкий металлический хлыст, тут же словно самостоятельно устремившийся к шее преградившего путь человека.

Дальше все происходило очень быстро, и все же Нинель поняла, что полицейский успел нырнуть под круговой удар бича и металлический наконечник выбил мелкую каменную крошку из каменной колонны и сноп искр из крепившихся к ней створки ворот. Человек двигаясь вокруг берка как-то боком, успел нырнуть под его правую вооруженную руку и врезать каблуком с проносом по суставу правой ноги чужого и тот начал заваливаться, пытаясь обрушиться всем весом на противника. Но полицейский уже сделал шаг ему за спину, принял вдоль левой руки летевший по инерции хлыст, дернул его, окончательно выводя чужого из равновесия. В правой руке человека возник электрошокер и он с треском ткнул им берка в спину. Пока чужой заваливался на асфальт, полицейский успел накинуть ему на шею оборот бича, дернул, придушивая, и уперся в шею чужого ногой. Затем в ворота парка вбежали несколько полицейских в полных силовых доспехах и Нинель с Аккером, обменявшись взглядами, сели обратно на скамейку.

Пока полицейские добавляли поверженному чужому парализующих разрядов и заковывали его в несколько пар наручников, человек в голографической маске подобрал упавшую на асфальт коробку с розами. Коробка пошла волнами, как искаженное изображение на экране телевизора. Голографическая маскировка сползла словно уносимый ветром цветной полиэтиленовый пакет. Ребенок лет шести, запеленутый в серебристый пластик словно в кокон, так что

снаружи было оставлено только лицо, не шевелился. Глаза на бледном до синевы лице были закрыты, во рту торчал кляп, который полицейский принялся осторожно вынимать.

Сквозь летнюю темноту позднего вечера, к парку приближался вой сирены «скорой».

Камински быстро оглядела заметно напрягшегося Аккера, и, взяв его за руку, потянула к сердцу парка, к каруселям и музыке.

– Пойдем отсюда, дедушка Линч, тут разберутся без нас... Слышь, пилот, пошли пиво пить, говорю, зрелищ на сегодня хватит... ну, давай!.. Пойдем, врежем по жидкому хлебцу.

Все молча ждали, пока официантка соберет пустую посуду, и разольет по кружкам кофе. Чувствуя общее напряжение, девица торопилась и думала о кнопке сигнализации под стойкой и о том, насколько быстро сможет приехать дежурный наряд, если начнется драка. Больно уж напряженно задумавшаяся компания сидела за столиком в углу.

У Нинели после повторного рассказа пересохло горло и она, не дожидаясь пока остынет кофе, отпила минералки прямо из пластиковой бутылки. Между пальцами левой руки она быстро крутила чайную ложку.

Аккер задумчиво наблюдал через окно, как Джоник возится с пневмосистемой.

Капитан Ежи философски рассматривал грязную столешницу.

Аккер, покосившись на сидевшего между ними Яра, спросил у Нинели:

– Ну и с чего ты взяла, что это был он?

Нинель взглянула на Яра, смотревшего на нее в упор с досадливым выражением человека, которого отрывают от важного дела по пустякам, и неожиданно произнесла:

– У тебя чудесные ботинки, психарь.

Ежи Чанг поднял взгляд от столешницы и кивнул.

– Мы застряли здесь на две недели, но вторых таких я ни

у кого не видела. Редкая обувь.

Нинель прикурила новую сигарету и потыкала тлеющим кончиком в сторону Яра:

– На тебе «кошачьи ботинки», армейский вариант. В носке ботинка металлический «стакан», как и в нашей армии. Но он более широкий, чем в аналогичной человеческой обуви. Мы знаем, что у ярранцев втяжные когти на руках и ногах. И эти ботинки, во-первых, сделаны под более мощные пальцы ярранцев и поэтому шире в носке по сравнению с обычной обувью. Во-вторых, в случае, если ярранец не контролируя себя, например, в ярости, выпустит когти, то сплав в носке ботинка не даст когтям порвать его изнутри. На Альсе ярранцев не встретишь.

Нинель затянулась, бросила взгляд на капитана и продолжала:

– А еще Ежи говорит, что у тебя по документам двойное гражданство – ты гражданин и Терранской федерации, и Ярранской республики. И место рождения – Ярра.

Камински несильно стукнула ладонями по столешнице, и столбик пепла в вертикально торчащей между пальцев сигарете ударился о стенку кофейной кружки и рассыпался в пыль.

– Яр, я верю... даже так – я вижу, что ты хороший психарь и ничего не имею против ярранцев. И чужие в команде «Ленинграда» – были. Но нам всем хочется знать побольше о том, кого нам приходится брать в команду. Пусть даже на

пару перелетов. И пусть ты даже полицейский. Вокруг тебя слишком много непонятного, – она ухмыльнулась, качая головой. – Яр с Ярры. Ничего не хочешь о себе рассказать?

Молчавший все это время Яр вдруг улыбнулся.

– Ярранцам тоже нравится, как звучит мое имя. Это сокращение от Ярослава. И я не чужой.

Он спрятал руки под стол и, опустив голову к столешнице, щелкнул пряжками ремешков на ботинках, выбрался из-за стола, скинул носки и похлопал босыми ступнями по грязному линолеуму.

– У меня вполне человеческие ноги. И на руках тоже – никаких втяжных когтей.

Яр вытянул вперед руки и пошевелил пальцами. Потом повернулся к Нинель в профиль и ухмыльнулся.

– И уши, кстати, тоже – самой обычной формы. Так что если ты думала про чужого, которому сделали пластическую операцию «под человека», то ошиблась. Не говоря уже про то, что замаскированный под человека чужой, даже из большой ностальгии, не стал бы носить обувь своей родины, вызывающую подозрение.

Он уселся на свое место, повозился под столом, надевая ботинки, и продолжил:

– Одиннадцать лет назад, когда отношения с Берком стали портиться, население близлежащих земных колоний, вернее те, кто мог это себе позволить, начали перебираться поближе к метрополии. У моего отца был бизнес здесь, на Альсе, он

его свернул, но тратиться на билеты на пассажирский лайнер не стал. Мой отец всегда был очень уверен в себе. У него был свой корабль, и он всю жизнь летал без психотехников, поскольку не слишком в них верил. Отец, мама, сестра и я сели на корабль и отправились на Землю, точнее сначала к одной из крупных колоний, к Новой Джорджии. В тот раз психотехник нам бы не помешал. Гиперпривод выбросил нас вместо Новой Джорджии на орбиту Ярры, в астероидный пояс. Корабль был поврежден и отец постарался посадить его на планету. Выжил только я.

Он замолчал, водя пальцем по краю чашки, а Аккер, продолжая глядеть в окно, думал о том, что когда много раз рассказываешь о мертвых любимых, это начинает становиться привычной для тебя самой историей, лаконичной и безэмоциональной.

– Я верю тебе, психарь, – произнес он, рассматривая сквозь стекло чахлые, неприятного оранжевого оттенка, одуванчики под окном. – А что было дальше? Как ты стал работать на полицию?

Яр медленно допил кофе и махнул рукой официантке.

– Ну, вы ж помните, что во время Беркского конфликта, особенно в начале, людям приходилось эвакуировать целые планеты, и не было времени особенно заниматься частными случаями. Тем более земляне и ярранцы еще не заключили военного союза, а только готовились к нему. У меня никого не было, а на Ярре мне понравилось...

– Сколько тебе было?

– Двенадцать. Еще кофе, пожалуйста, и два пирожка с яблоками.

Настороженная официантка обвела взглядом экипаж, но все только покачали головами.

Нинель не могла решить, почудилось ли ей что слово «люди» этот парень произносит с едва заметной отстраненной интонацией, как его обычно выговаривают чужие или это она себя накручивает... А еще она поняла что почему-то не может назвать его мальчишкой, как Аккер. Что-то мешает. Наверное, это потому что его воспитали чужие. Она спросила:

– Кошек любишь?

Яр, если и был задет, то на провокацию почти не поддался.

– Я люблю Ярру. Там мне было хорошо. Я думаю, вы тоже скучаете по Земле.

Все замолчали, подошла официантка, и Яр принялся за пироги с кофе.

– Потом я учился, а после университета отправился сюда узнать что-нибудь о родне. Альс побывал под оккупацией и электронные архивы не сохранились. Здесь еще в ходу бумага и я наводил справки в столичной мэрии. За это мне пришлось немного вне штата поработать на местную полицию. На Ярре я как психотехник проходил практику в полицейском управлении, ну и...

Яр сделал неопределенный жест рукой и откусил от пирога.

– А почему ты один полез на того берка? – спросил Аккер.

– Он был непростой, – ответил Яр, жуя пирог. – Как известно, все берки могут телепортировать себя хоть на небольшое расстояние. Этот был вдобавок еще и телепат, ну чтение мыслей... именно поэтому его так долго не могли арестовать – он ощущал полицейских за километр. Будь в парке хоть один оперативник, берк тут же его бы почувял и ушел. А хороших психотехников... во всяком случае, умеющих закрыть свое сознание, слиться с эмоциональным фоном толпы, на Альсе сейчас не случилось. Кроме меня.

– А ты, значит, умеешь всякое такое?

– Умею.

Яр повернул голову вправо, где на соседнем ряду, блаженно свесив лапу с незанятого диванчика, дремала трехцветная кошка с большим коричневым пятном на лбу. Через секунду она открыла глаза, зевнула, и, спрыгнув на пол, засеменила к их столику. Все молчали. Кошка негромко мяукнула, вспрыгнула на диван, взобралась к Яру на колени, и, задрав голову, посмотрела ему в лицо. Потом, не выпуская когтей, оттолкнулась, прыгнула и уселась у него на плече.

Нинель, закуривая новую сигарету, покивала.

– Впечатляет. Можешь в цирке выступать.

Кошка высокомерно посмотрела на нее, потом прижмурила желтые глаза. Яр пожал плечами. Кошка не пошевелилась.

Аккер спросил:

– Ну и что это был за берк такой?

– Можно сказать маньяк...

– Сексуальный, что ли?

– Нет. Некоторые берки без ума от хорошо приготовленного человеческого мяса. Они испокон веку разводят в качестве сырья для деликатесов человекообразных обезьян, а во время войны они и наших пленных...попробовали.

– Я знаю об этом... – Нинель зло покрутила головой.

Яр кивнул, хотел что-то сказать, но в этот момент звук телевизора-объемника над барной стойкой стал громче.

«...отметил генерал Константин Сергиенко, позволить выразить надежду, что столкновения медуинцев из противоборствующих фракций в скором времени отойдут в область истории».

Диктор кашлянул.

«С глубокой скорбью мы встречаем очередную годовщину одной из самых страшных трагедий в истории разумных рас и самого трагического момента в истории человечества – исчезновение Земли и дружественной человечеству Ярры. Прошло пять лет с тех пор как катастрофа на базах, которые должны были стать гигантскими телепортерами между планетами-побратимами, унесла жизни миллиардов людей и ярранцев. Какие уроки мы можем извлечь из этого трагического события сегодня? С этим вопросом мы обратились к доктору исторических наук Университета общественной информации столицы Терранской федерации Метрополиса,

Александрю Доу».

Трехмерное изображение белокурой дикторши местного канала сменил пожилой мужчина с упрямой челюстью и глазами навывкате.

«Я не боюсь показаться циничным, но сегодня не менее важным, чем сама катастрофа Земли-Ярры, мне представляется ее контекст. Сотни лет назад, когда человечество расселилось по множеству планет, оно столкнулось с множеством непредвиденных обстоятельств. Это были не только инопланетные расы, мир с которыми всегда был непрочен, но и полная непредсказуемость Вселенной вокруг. За пределами орбиты нашей погибшей планеты-праматери человек оказался подвластен случайностям гораздо больше, чем мог предположить. Например, рост паранормальных способностей и вынужденное применение способностей психотехников для космической навигации, открытие соответствующих факультетов в высших учебных заведениях закономерно привели к поиску альтернативы этим методам. Поиск возможностей для применения массовой телепортации на этом фоне стал закономерным ответом на применение подобных, с позволения сказать, оккультно-языческих технологий в нашем, приверженном традиционным ценностям, обществе. Закономерно...».

– Если он еще раз скажет «закономерно», или что-нибудь про «поиск», я расколочу экран, – пообещал Аккер. Нинель и Ежи быстро отодвинули от Аккера пивные кружки, пару

тарелок и солонку.

«...то мы закономерно придем к выводу, что катастрофа, увенчавшая этот поиск, может быть названа карой за отход от ценностей истинных религий, сознательно выбранных нашими предками, и за возврат к язычеству», – не унимался доктор. – «Со своей стороны я уверен, что истинно верующему экипажу для успешного полета до пункта назначения никаких магических ритуалов не нужно в принципе, и при всем уважении к ярранцам, мы не должны становиться на чужой путь, закономерно ведущий...».

Бармен за стойкой выключил звук, а Ежи, наконец, отобрал у Аккера свой стакан.

– Видеть эту морду не могу, – произнес Аккер, поморщившись. – Пока Земля была на месте, орденские пропагандисты себе такого не позволяли.

– Времена изменились, – кивнул Ежи и посмотрел на Яра. – Так что было дальше с тобой? Ты нашел родственников?

– Из документов в канцелярии на Альсе следовало, что у меня есть родственники на Земле. Я был на полпути к Земле, когда и она, и Ярра исчезли.

Он запустил пятерню в волосы, и кошка на плече Яра лениво приоткрыла глаза. Потом Нинель спросила:

– Кто-нибудь из твоих...родных...друзей...с Ярры...остался жив?

– Нет. Практически никого. На Ярре был как раз праздник

урожая. Я решил, что будет удачей встретить его на Земле, но корабль опоздал...

Все молчали.

– Потом... Потом я продолжал работать психотехником.

– Судя по твоим данным, которые я смотрел, ты много где бывал, – сказал Ежи.

– Да, полетал изрядно. Хороший психотехник всегда востребован.

– Особенно в полиции? – уточнил капитан.

Яр пожал плечами.

– Там я только приглашенный консультант. От случая к случаю. Иногда психотехник, который может мыслить как чужой, очень полезен.

– Да уж... – Нинель незаметно поежилась. – А что у тебя теперь на Метрополисе?

– Дела у меня на Метрополисе, – в тон ей ответил Яр, осторожно снимая с плеча пеструю кошку и пересаживая на колени. – Еще вопросы?

Повисла пауза.

– Ладно, – сказал капитан Ежи. – Ты уж не обижайся, что мы тебе перекрестный допрос тут устроили. У нас до тебя на корабле психарь был этот... вуду, знаешь? Во всяком случае, он так говорил. Так тот перед отлётом вообще по земле валялся, пена изо рта... не взглянешь без дрожи.

– А что с ним расстались-то?

– Несчастный случай...

Яр покивал.

– Уточняю специально для тебя, психарь. Из тех несчастных случаев, когда человек шляется по недружелюбной планете по ночам, а утром его находят с преломленной головой под эстакадой возле местного кабака. Местная полиция обещала разобраться и надо думать разбирается до сих пор.

Нинель покачала головой. Аккер смотрел в окно.

– Ты не думай, что я тебе это просто так рассказываю. Это было на последней остановке по пути на Альс, на Беловодье. А теперь, на обратном пути наша следующая стоянка снова там. И Беловодье совсем не то место, где рады таким как ты. А твою прекрасную полицейскую бляху на темной улице не всякий успеет разглядеть. Да и твои рукопашные таланты могут против тебя обернуться. Против лома нет приема, как говорится... Так что уж будь добр – посиди на корабле. Тем более любоваться на этой планетке, кроме как на коров, не на что. На работу психотехников в космопорте местные смотрят как на зло, с которым вынуждены мириться: я выставлю на всякий случай охрану, ты постучишь в свой волшебный посох и мы улетим. Но за оградой у тебя могут возникнуть огромные неприятности. Ребята там простые, но вполне пуританских нравов и очень нервные, можешь почитать в здешней сети. Не подставляйся, психарь, ты мне нужен на этом рейсе живым и здоровым, лады?

Яр пожал плечами, потом кивнул.

– Вот и договорились.

Ежи помолчал, а Аккер мотнул головой в сторону телевизора и спросил:

– Яр, а что твои... друзья думают об этой катастрофе? Расследование как-то ни шатко, ни валко идет, оглашаются крохи информации, в основном все засекречено. Что думают ярранцы?

Яр пожал плечами.

– Мы все допустили какую-то ошибку. И Земля, и Ярра. Где-то недоглядели.

– И? – Нинель испытующе посмотрела на Ярра.

– Что ты хочешь, чтобы я сказал?

– Ваши шаманы что об этом думают?

Тот снова пожал плечами и почесал за ухом задремавшую на коленях кошку.

– Разные кеху говорят по разному. Одни считают это непоправимым, а другие...

– Что?

– Другие считают, что планеты-побратимы еще вернутся.

– А что думаешь ты? Ты же сам кеху?

Яр чуть улыбнулся.

– По ярранским меркам я скорее «кеху-тан» – ученик, чем «кеху-ро» – шаман-учитель. Также как уличный рукопашник – не мастер боевых искусств, драться он может, но учить – нет... Я не вижу ясности в будущем, может просто не могу увидеть.

– А твой кеху-ро что говорит? – Нинель спросила и осек-

лась. – Он остался там? На Ярре?

Яр молча кивнул.

– Прости... мне жаль.

– Любые слова бессмысленны. Мы все потеряли, если не родных и друзей, то прародину. Теперь надо зарастить эту рану и жить дальше.

Яр обвел глазами экипаж. В ответных взглядах не было вражды, только в глазах капитана Ежи сквозило скрываемое беспокойство.

На Беловодье они прибыли поздним утром. Космопорт располагался в паре десятков километров от местной столицы, Царьграда, поэтому утро было тихим. «Ленинград-115» купался в молочной пелене тумана, сквозь которую доносилось приглушенное звяканье из ангара с автопогрузчиками, а где-то вдали еле слышно шумели машины и посвистывали флаеры.

Гиперпрыжок с Альса на Беловодье был не таким долгим, чтобы команда успела расслабиться, но вполне достаточным для того, чтобы хорошо выспаться, а капитан Ежи был явно настроен как можно быстрее разобраться с делами и поскорее отправиться на Метрополис. Нинель и Аккер были отправлены в рубку проверять систему управления. С прибытием на планету дурное настроение капитана Ежи усилилось и Аккер, попробовавший спросить, что такое с этим компьютером, что его на каждой планете надо проверять, был достаточно жестко одернут. Через пару минут Ежи зашел в рубку извиниться перед первым пилотом. Аккер только рукой махнул.

В дверях Ежи столкнулся с Яром.

– Да, а тебя, психарь, я еще раз прошу до отлетного твоего ритуала из корабля не выходить. Хочешь – посиди с ребятами в рубке, хочешь с каютного терминала кино посмотри. И

если до моего возвращения погрузчики закончат – начинай ритуал подготовки к отлету. Аккер, напомни ему, если забудет.

– Хорошо...

– Я в администрацию порта, буду через час, даже быстрее, если что звони.

Когда капитан вышел, Яр спросил:

– Нинель, а что он так нервничает?

Камински, сидевшая, расслабленно откинувшись на спинку штурманского кресла, пожала плечами.

– Не знаю. Кэп не любит иметь дела с фундаменталистами, садиться на их планетах... Но контракт есть контракт. Вот и старается побыстрее убраться, и нас подгоняет.

– У старика предчувствие, – сказал Аккер, не открывая глаз. Широкий синий обруч прямой связи с компьютером в сочетании с ежиком медно-красных волос выглядел на его голове смешным дизайнерским изыском. Глазные яблоки под опущенными веками подергивались. – Ежи Чанг знает, когда надо быстро уносить ноги. Он великий перестраховщик и я это очень ценю. Нин, расскажи ему про забытую инструкцию.

Нинель удовлетворенно кивнула.

– Ага, отличный был случай. Пару лет назад наниматель к контракту не прикрепил файл с инструкциями по взаимодействию с местным населением. Большая корпорация – медленно поворачиваются, найти не могут, говорят «Летите

так». Мы тогда на шахтерскую планетку вроде Альса должны были лететь и забрать ископаемые. А планетка была дальняя и малоосвоенная, мы с Аккером весь в день в сети сидели – отчеты читали, инфы мало, но вроде все нормально. А Ежи уперся как баран, мол, лучше неустойку заплачу, а пока инструкций не получу – старта не будет.

Она улыбнулась случайной рифме, достала из кармана сигаретную пачку, и, вынув сигарету, принялась постукивать ею по ногтю большого пальца.

– И корпорация, и наш Ежи собрались подавать друг на друга в суд, но когда инструкция вдруг пришла, мы прочитали и посмеялись. Оказывается в результате дипломатического обмена территориями, буквально три месяца назад эта ирканская планета стала джиттарской. И если бы мы прилетели в срок, обусловленный договором, то попали бы к джиттам как раз в их «священный месяц покоя».

Яр засмеялся.

– «Дары неба», да?

Камински щелкнула пальцами.

– Слышь, рыжий, психарь в курсе! Именно! Все пришедшее с неба в этот месяц считается у джиттов даром небес. Нас бы не тронули, а корабль вполне могли бы конфисковать. Религия – штука серьезная.

– Угу. Могли. – Аккер снял обруч с головы, потянулся и открыл глаза. – Вроде как все, комп в порядке.

– А руками не удобнее? – Яр кивнул на стандартную кла-

виатуру пункта управления.

– Мне как военному пилоту интереснее работать с терминалом напрямую. То, что я делаю взглядом, можно сделать и с клавиатуры, но я всегда хочу быть уверенным, что владею всем инструментами управления кораблем.

– На «Ленинграде» мы виртом почти не пользуемся, это так, на всякий случай, если клавиатура сгорит, – вмешалась Камински.

– Зато в бою позволяет в несколько раз быстрее действовать, – сказал Аккер, усмехнувшись.

– Война кончилась, Аккер, – чуть резче, чем надо сказала Нинель и вскочила на ноги. – Я за кофе. Аккер, вишневый сок? Яр?

– Сок.

– Какой?

– Любой.

Дверь с шелестом скрыла уходящую Камински, Аккер поднялся из кресла и прошелся по рубке.

– Вот прибудем на Метрополис – выпьем пива. Я попробовал ярранское пиво, мне нравится. Любишь пиво, психарь?

Яр кивнул. Он изучал сжатые губы Аккера и ничего не спрашивал. Однако первый пилот предпочел сам ответить на незаданный вопрос.

– Не обращай внимания, война у Нинель большая тема.

Яр чуть приподнял левую бровь.

– Ты не обязан мне ничего рассказывать, Аккер.

Его собеседник остановился и окинул психотехника невеселым взглядом.

– Я слышал, что шаманы неболтливы.

Аккер потер большим палец подбородок. Он не мог понять, почему ему хочется поговорить с этим... кем, собственно?

«Обычный парень. Ни патл до пояса, ни седой бороды, ни килограмма амулетов. Кеху... Ярранцы не склонны к выпендрежу. А землянин... терранец, воспитанный на Ярре? Видимо тем более не склонен. Встретишь такого на улице и не заметишь. Хотя нет... Глаза. У него глаза словно чужие, будто это глаза кого-то старше, чем он сам. Может меня тянет болтать, после того как мы его вчера вопросами замучили? Чтобы сравнять счет, так сказать?..».

– Мы оба навоевали с Берком по полной программе, – продолжил Аккер, проглотив невесть откуда взявшийся в горле комок. – Нинель накрошила берков побольше многих. И она боится что начнется какая-нибудь новая заваруха со всеобщей мобилизацией... Ты не понимаешь, парень, что это такое – ждать конца войны. ...И мы вдвоем решили – всё, отвоевали, отлетали, страница перевернута. Кое-что накопили из денежного довольствия, плюс пособие по демобилизации – этого вполне должно было хватить на дом... и сад. Она сама с Земли и ее рассказы о садах по берегам Влтавы мне очень нравились.

Аккер помолчал и продолжил:

– Больше она их не рассказывает... Мы присмотрели неплохую планету... там очень похоже на Землю. После катастрофы цены на недвижимость взлетели, но я думаю, что еще год-полтора полетаем с Ежи и, наконец, осядем где-нибудь... Тебе повезло, парень, что ты не знаешь что такое война.

Сначала Аккеру показалось, что Яр хотел что-то ответить, но потом видимо передумал, улыбнулся и вдруг произнес:

– У вас будут красивые дети.

От неожиданности Аккер улыбнулся в ответ. Он подумал, что эта странная фраза больше была бы уместна в речи старика, чем этого молодого психотехника и открыл рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент в комнату вошла Нинель, с качающимися на ремнях вакуумными флягами с соком и кофе в одной руке и вставленными одна в другую пластиковыми чашками, в другой.

– В кафе космопорта дерьмовый холодильник, а то бы я сходила за квасом, – пояснила она, передав Яру чашку с вишневым соком. – На Беловодье делают отличный квас, но пить его теплым – никакого удовольствия. Кстати, погрузка уже начата. Тебе долго готовиться, чтобы «ритуалить»?

Яр уже знакомым движением пожал плечами.

– Только посох взять.

Как и вчера фигура с посохом начала ритуал с простукивания четырех сторон света, земли и неба, и теперь шла вокруг корабля. Четверо киберов-универсалов, запрограммированных на охранный режим застыли вокруг корабля, сканируя окружающее пространство. На этот раз Яр не просил никого покинуть корабль. «С кораблем я уже познакомился, и теперь ритуалы будут проще», – так он объяснил это любопытной Нинель. Капитан Ежи, вернувшийся на «Ленинград» до начала ритуала, сидел на полу шлюза, прислонившись к стене, и прислушивался к негромкому постукиванию посоха. Повернув голову, он увидел в дверном проеме как Яр, прикрыв глаза, медленно обходит корабль по часовой стрелке, постукивая посохом. Внешне это выглядело так, что, вертикально держа в левой руке посох, кеху постукивает по нему вторым посохом, который держит в правой руке. Только в левой руке Яра ничего не было. Для стороннего наблюдателя он сжимал в правой руке посох, помахивая им на расстоянии двадцати или тридцати сантиметров от полусжатой левой ладони в которой ничего не было. Тем не менее, звук был. Скальное дерево с Ярры, из которого был сделан посох, сегодня звучало гулко и глубоко, словно пело. Ежи был знаком звук бубнов шаманов с Земли, и это раскатистое пение посоха кеху чем-то напоминало его... и вместе с тем, было

совершенно на него не похоже.

Обо что шаманы с Ярры стучат посохом, у человеческих ученых было несколько мнений. Кто-то считал, что в посохе спрятано устройство, издающее этот глубокий звук, кто-то – что ярранские шаманы сами его издают, а третьи – что кеху способны дистанционно усилием воли извлекать звук из посоха. Все три версии, как и положено версиям, созданным при минимуме данных, не объясняли ничего.

Капитан Ежи придерживался мнения, что если психотехник обеспечивает кораблю благополучный взлет, выход из гиперпространства в заданной точке космоса и успешную посадку, остальное капитана интересоваться не должно. Сын буддистки и католика, Ежи Чанг считал себя агностиком, и с удовольствием принимал все, что способно работать на благо человека. Многократно доказанная статистикой польза от работы психотехников была неоспорима. Гиперпривод с авторасчетом Прохорова-Ли, был дешев, и позволил мелким торговым судам перемещаться на огромные расстояния, нередко успешно конкурируя с крупными корпорациями и получая немалую прибыль. Но безопасности он, как показала практика, не гарантировал. В открытом космосе и тяжелые военные крейсера, и торговые лихтеры, и пассажирские лайнеры, и частные яхты не доходили до места назначения куда чаще, чем предполагала теория вероятности. Полумки, «черные дыры», метеоритные потоки и пиратские абордажи, а то и нелепые исчезновения не давали пройти «из пункта

А в пункт Б» гораздо большему количеству кораблей, чем земляне могли себе позволить. А инопланетные расы своими методами повышения безопасности путешествий делиться не спешили. Когда на помощь людям пришли законы эволюции и под влиянием жизни вне Земли у все большего числа людей обострились психические способности, от чтения мыслей до пирокинеза, то в восторге от этого были далеко не все. Капитан Ежи усмехнулся. Несмотря на протесты глав ряда церквей, вплоть до предания «мутантов» или «психов», как они зло называли обладателей сверхъестественных способностей, анафеме, человечество принялось стремительно вспоминать полузабытые магические техники прошлого, внедряя их во все сферы бытия, и, прежде всего – в космосе. Разумеется, каждый корабль старался заполучить на борт того, кто может обратиться к духам, богам, Вселенной и добиться полёта по маршруту без особых неожиданностей. Мутации передавались по наследству, поэтому было закономерно, что вскоре в высших учебных заведениях начали открываться факультеты психотехники, где обладатели сверхспособностей могли обтесать свой талант до инструмента, востребованного все дальше и дальше расселявшимся по просторам Вселенной человечеством.

Психотехники. Психари. Или, как величают их некоторые (может вполне заслуженно, а?) – психи. Те, кто в древности считался колдунами, а потом – до того как цивилизованное человечество вышло в космос – шарлатанами, теперь есть

в команде каждого военного корабля. Капитан Ежи вспомнил, как ему рассказывали о том, что у военных ценятся психотехники с несколькими специальностями, владеющие, например, телепатией: такой и нормальный полет корабля обеспечит, и у несговорчивого пленного все сведения выведает. Впрочем, и у других рас свои психари имеются. Джитты так вообще детей с хорошей психотехнической родословной для усиления способностей с младенчества растят на гигантских кораблях-интернатах, плавающих в открытом космосе. Страшное дело, как впрочем, и многое другое у чужих рас. Да и у людей, честно сказать...

«Отрава внутрь сочится через кожу, Отрава спит в бесстрастье детских глаз. Мы думали что изменяем космос, А это космос изменяет нас...», – беззвучно пропел капитан Ежи. Он начал мечтать, что когда корабль уйдет в долгий восьмидневный прыжок к Метрополису, он ляжет в своей каюте, включит объемник и будет пересматривать файлы с концертами «Валькирий Вавилона», все концерты, один за другим. И еще, когда они, наконец, придут на Метрополис, он сразу проверит по сетке – вдруг «Валькирии...» на днях выступают. Последний раз он был у них на концерте пару лет назад – надо сходить, выручка с рейса вполне позволит ему устроить этот праздник души. И команду позвать. Аккер с Камински наверняка пойдут. Интересно, захочет ли Яр слушать такую музыку? Он подумал, что совершенно не представляет себе этого человека, воспитанного другой расой, на

рок-концерте. Скорее он из тех, кому больше по нраву всякая этника: восточные флейты да всякие шумелки с Земли или бесконечные звуковые переливы кристаллов ирканского синара.

«Мозг заполняет пустота, Твоя тревога неспроста, Закрой глаза – считай до ста, Закрой глаза – считай до ста...», – все так же беззвучно пропел Ежи Чанг еще несколько строчек из свежего хита любимой группы. Он подумал о том, насколько же сильно вымотался в этом рейсе. И неудивительно: не в каждом рейсе психаря у тебя в команде убивают... и сколько они нового искали... да и больше обычного было всяких мелких неприятностей. А еще этот парень, от мыслей о котором он не может избавиться. Интересно, это интуиция или паранойя?

Капитан Чанг вновь усмехнулся и вдруг понял, что звук посоха стих. А потом он услышал шаги поднимающегося по трапу Яра.

– Все хорошо? – спросил капитан Ежи торопливо вскочив, и ему самому не понравилась поспешность и даже попрошайничество, сквозившие в его вопросе.

Яр был задумчив.

– Почти, – сказал он. – Почти. После захода солнца. Мы можем стартовать только после захода солнца.

– И это все? – Ежи Чанг готов был расплыться в улыбке.

– Не совсем. Духи этой земли говорят, что если до захода солнца никто не придет и не попросит у меня помощи, то мы

можем лететь.

– А если придет?

Капитан Ежи задал вопрос равнодушным тоном, потому что буря беспокойства в его душе сменилась ровной сильной волной, с которой он привычно справился. Он уже примерно понял, о чем пойдет речь и сложная ситуация нервировала его гораздо меньше чем неопределенность.

– А если придет – то я должен буду помочь, кто бы ни пришел, и сколько бы времени это ни заняло.

Капитан Ежи коротко кивнул.

– Понимаю.

– Если мы нарушим волю духов...

– Да понимаю я все, не дурак. Значит будем ждать.

Он взглянул на переставленный на местное время хронометр, а потом выглянул наружу. Красноватое солнце, так похожее на земное, миновало зенит, но до заката было еще далеко. Капитан Ежи вновь посмотрел на часы.

– Семь с половиной часов. Чуть меньше. Я буду надеяться, что за это время никто не придет, – сказал он Яру с почти искренней улыбкой. – Заменить тебя, к сожалению, некем. Сейчас в порту еще два транспортника и один круизер. Лишних психарей на них нет. А на этой планете с психарями вообще туго. Вашего брата тут, как мы недавно убедились, не жалуют.

Послышался шум шагов и в шлюз вошли Аккер и Камински.

– Ну как, мы летим? – жизнерадостно поинтересовалась Нинель.

– Мы ждем, – сказал капитан Ежи Чанг. И тут же уточнил: – Мы с Яром ждем, а вы с Аккером залезаете в местную сетку и проверяете, не изменилось ли что в местных законах о ношении оружия, а потом собираете все, что мы вчетвером можем беспрепятственно таскать по этой чертовой планете и проверяете исправность и боекомплект. И еще звоните в бюро проката и интересуетесь что у них со свободными машинами и флаерами.

– И что должно случиться? Мы захватываем Беловодье и устанавливаем диктатуру? – поинтересовался Аккер.

– Не совсем. До захода солнца к нашему шаману может прийти клиент. Отказаться он не сможет. Если это будет хромой калека, то, я надеюсь, он исцелит страждущего прямо посреди стартовой площадки. Но если по какой-то причине ему придется покинуть пределы космопорта, то я не хочу чтобы у нас на этой планете убили второго психаря подряд. Для этого мы поедем с ним. Хотя, конечно вы оба можете отказаться, я возьму кого-нибудь из местной охраны космопорта.

Камински и Аккер синхронно мотнули головами.

– Местных не стоит, капитан, – корректно заметила Нинель. – Они могут себе что-нибудь отстрелить от большого мастерства.

Повисла пауза, а потом все расхохотались, пусть не слишком весело, но напряжение спало.

– Ладно, – сказал Ежи Чанг, утерев рукавом комбинезона уголки глаз. – Выполняйте. Я в кафе посижу, у меня от этого рейса голова кругом. Как всё подготовите – присоединяйтесь. Да, кстати я узнал: по нашему вудуисту полиция ведет следствие крайне вяло. Так-то. Яр, пойдешь со мной? Найдет твой страждущий нас в кафе?

– Думаю, найдет.

Он взглянул на медленно двигавшееся по небу солнце и зашагал вниз по трапу за капитаном Ежи. Тот обернулся и, прищурившись, спросил:

– А духи не будут в обиде, если я попрошу охрану космопорта направлять всех страждущих сперва к психарям с других кораблей?

Яр пожал плечами.

– Пока я не увидел клиента и не услышал его запроса, мы все можем делать все что угодно... кроме отлета с этой планеты до захода солнца, конечно.

Лида Арсеньева подошла к дверям кафе, когда до захода солнца оставалось совсем немного и удлинившиеся сиреневые тени кораблей ползли по бетону, словно силуэты растущих ввысь древних замков.

Ее взгляд скользнул по нескольким посетителям-одиночкам и одной парочке, замедлился на трех компаниях в разных концах зала, и, наконец, остановился на сборище за двумя сдвинутыми столами в углу. Там сидели четверо. На троих была обычная одежда Союза вольных торговцев – темно-синие комбинезоны с терморегуляцией и автоподгонкой. Тощая брюнетка с жестковатым скуластым лицом, сейчас блестящим улыбкой, весело рассказывала что-то рыжему верзиле с аккуратной бородкой и лысоватому, хмурому, странно светлокожему китайцу лет пятидесяти. Тот, кто был ей нужен, принимал участие в разговоре «синей тройки», как девушка про себя окрестила эту группу беседующих, и, казалось, одновременно прислушивался к разговорам вокруг.

Парень выглядел странно. Сначала она не поняла в чем эта неестественность. Одет он был довольно заурядно: в джинсы и полувоенную куртку с регланом. Потом Лида поняла, что не может определить его возраст. В первый момент она подумала, что больше двадцати четырех ему не дашь,

потом решила, что ему за тридцать, и пока шла к компании через зал, меняла свое мнение несколько раз, пока не осознала что дело в его глазах. В них было слишком много опыта для молодого человека, и в моменты, когда он не улыбался в ответ на реплики той брюнетки, они были серьезны. Слишком серьезны, словно были глазами кого-то старше, гораздо старше. И в лице его, достаточно приятном, но ничем непримечательном, сквозила некая отрешенность. Казалось, упав сейчас на космопорт метеорит, он так и будет спокойно цедить горячий настой шиповника из прозрачной кружки, да посматривать по сторонам. «Тем лучше», – подумала Лида, чуть прищурившись. – «Может быть, этот спокойный будет меньше упираться».

Пока она открывала дверь кафе из обшарпанного, бывшего когда-то прозрачным пластика, и шла к компании в углу, разговор как по волшебству смолк. Все молчали, и только старший, с капитанской нашивкой на груди, почти незаметно вздохнув, ткнул рыжего кулаком в плечо и сказал невесело «Похоже, ты продул спор, Аккер». Верзила медленно кивнул, продолжая глядеть на Лиду.

– Здравствуйте, вы с «Ленинграда-115»? – спросила девушка.

Четыре пары глаз изучали ее, а потом капитан кивнул, поднялся и протянул руку через заставленный салатницами, тарелками и кофейными кружками стол, представляясь:

– Ежи Чанг, капитан «Ленинграда». Давайте я угадаю: вы

хотите поговорить с нашим психотехником?

Лида постаралась не выдать удивления, одернула жакет и кивнула. Впрочем, чему удивляться: она в общей сложности не меньше двух часов гостила на трех кораблях и на каждом из них уговаривала психотехников помочь ей. Наверняка за это время слух разошелся по всему космопорту.

Парень в джинсах улыбнулся одними губами и вылез из-за стола.

– Яр Гриднев. Психотехник «Ленинграда-115».

Лида пожалала узкую ладонь и от этого спокойного, но явно дружеского рукопожатия почувствовала неожиданное облегчение. Даже если этот человек ей откажет, он явно не станет изображать из себя недоступного простым смертным носителя высших знаний или пытаться, как это называют космopilоты «выйти к ней на орбиту»... Ага, «для последующей стыковки». Гадость...

– Пойдемте, поговорим.

Он кивнул на противоположный угол зала, где было несколько свободных столиков. Лида снова молча кивнула и, развернувшись, пошла по проходу. Яр прихватил со стола кружку, взглянул в лицо капитану Ежи, чуть приподняв бровь, и последовал за девушкой.

Молодой пилот за соседним столом посмотрел им вслед, повернулся к компании и, потирая нос, уже собрался что-то сострить, но, наткнувшись на серьезный взгляд Аккера, счел за благо промолчать.

Лида заказала у подошедшей официантки чай с лимоном и принялась рассматривать своего собеседника. В его лице не было ни жесткости профессионального военного, ни ставшей привычкой бесчувственности государственного чиновника. Не лучилось оно и сусальным сияньем доброты усталого священнослужителя, не жгло фанатизмом ярого подвижника, не пыталось окутать наигранным обаянием опытного торговца. Те психотехники, с которыми она разговаривала раньше, несли на себе отпечаток той или иной из перечисленных профессий.

Этот был другим. Вполне обычным. На первый взгляд.

– Вам нравится здешний шиповник?

Лида кивнула на кружку Яра. Тот улыбнулся, отметив про себя, что она сказала не «наш», а «здешний».

– Да. Он вкусный. До Беловодья мы были на Альсе, там с витаминами худо.

Она кивнула и как-то замялась.

– А вы... действительно шаман с Ярры?

Яр пожал плечами и выложил на стол удостоверение.

– Когда официантка принесет вам чай, можете попросить у нее визор.

– Нет, я верю, просто...

– ...Психотехник, владеющий системой другой расы это необычно и даже подозрительно. Не шарлатан ли?

Лида снова помялась, но потом сказала:

– Да, именно так. Я, пожалуй, действительно проверю.

– Да ради бога! Ну, так будем ждать визор или вы пока мне начнете что-то рассказывать?

Девушка чуть напряженно улыбнулась, а Яр отхлебнул из кружки и спросил:

– Что у вас случилось?

Лида подняла глаза к потолку, чуть запрокинув голову, словно ее коса своей тяжестью тянула затылок к спинке стула.

В этот момент официантка принесла стакан чая с лимоном и отправилась за визором. Лида устала посмотревшая Яру в глаза и спросила:

– Вы знаете, что такое стигматы?

– Знаю. Травмы...то есть язвы... на руках и ногах, иногда на лице у верующих...у истово верующих, на тех местах, где были раны у Христа. Вы обнаружили у вашего ребенка стигматы?

– Откуда?.. Вы еще и...

– Нет-нет, я не телепат.

Яр покрутил головой.

– Просто вы волнуетесь, крутите чашку, вместо того чтобы пить чай и у вас обручальное кольцо на пальце. Будь проблемы у вашего мужа, он пришел бы сам, верно? Значит, скорее всего, речь о ребенке.

Кровь бросилась Лиде в лицо, она смущенно сделала глоток чая и закашлялась.

– В нашей общине... Это Макеевка, километров триста от

Царьграда... В общем это не первый случай.

– Вы о стигматах у детей? – уточнил Яр.

– Да... то есть, нет. Стигматы бывают у взрослых... иногда, не очень часто. И когда я обнаружила их у сына, у Игоря... мне сказали что это дурной знак. И мне нужно знать мнение... ну, специалиста со стороны.

Лида смотрела на Яра, готовая увидеть на его лице усмешку или недоверие, но он только сосредоточено кивнул. Это успокоило ее и она начала рассказывать.

Со своим будущим мужем Эриком она познакомилась на Метрополисе, во время учебы в университете. Они оба учились на врачей-ветеринаров и когда на последнем курсе она поняла что беременна, у них не возникло никаких других вариантов, кроме как пожениться, навестить родителей Лиды на Терре, а потом лететь к Эрику, на Беловодье. На этой сельскохозяйственной планете хорошему ветеринару всегда рады. Лида даже себе не могла ответить в какой момент у нее возникла мысль, что этот брак отнюдь не самое лучшее событие в ее жизни, как она считала первые три года. Может быть, дело было в слишком сильной зависимости Эрика от его многочисленной родни, всех этих молчаливых бородастых мужчин и сплетничающих женщинах в платочках, от их сермяжных мнений по любому поводу? Или в том, как ее неприятно поразило, когда дед Сергей начал заставлять ее пятилетнего Игорька заучивать молитвы, а за ошибки лупил линейкой по пальцам? А может ее раздражала эта нелепая

необходимость ходить в длинной юбке и платке? Она знала, что на Беловодье на пляже в бикини не позагораешь, но привыкнуть к этому оказалось гораздо трудней, чем она ожидала. В конце концов, она нашла себе новую работу в городе и стала вместо молочных коров семьи Арсеньевых лечить домашних животных жителей Царьграда. Надо ли говорить, что у деревенской родни ее новое поприще никакого восторга не вызвало? Но зато с Эриком они были по-прежнему дружны, хоть и не как в начале их отношений, но все же... А главным для нее оставался Игорек – любимый сын, умный смысленый мальчик, который несмотря на все молитвы и воскресные школы мечтал отнюдь не о карьере священника, а хотел стать архитектором.

Стигматы появились пару недель назад, и Лида не придавала этому большого значения. Игорек в меру набожный мальчик, поет в церковном хоре, и наряду с комиксами любит читать и жития святых, так что ничего удивительного нет, просто впечатлительный ребенок. Но потом, проходя мимо комнаты деда Сергея, она услышала странный разговор Эрика со своим отцом.

– Это было страшно, – сдавленно произнесла Лида. – Эрик такой высокий, сильный, а тут... я увидела в дверную щель... как он... стоит перед отцом на коленях и рыдает. А дед Сергей гладит его как маленького по голове и говорит... странно так «Семь родов, семь колен – ничего не попишешь сынок, твоя очередь. Жена у тебя молодая, еще ро-

дит. Вспомни притчу об Иове...». А дальше... мне стало так жутко, что я не смогла больше слушать...

Лида залпом допила остывший чай и взяла в руки принесенный официанткой визор. Яр протянул карточку удостоверения, Лида отсканировала ее и даже не взглянув на показания прибора, отложила его в сторону.

– Я навела справки в городском архиве. Макеевы – один из самых старых родов Беловодья. Про семь первых родов этой планеты все знают, это на поверхности... Когда-то первые семь семей прилетели на эту планету. Они с самого начала были небедны, местный климат и тогда позволял снимать по четыре урожая в год, а беловодское молоко теперь знают и на другом конце галактики. Семьи разбогатели еще больше, Беловодье процветает, и, несмотря на не слишком лояльную к инаковерующим, политику властей, привлекает все новых поселенцев. Но... дико звучит, но я перепроверила несколько раз... Я же не сумасшедшая...

Взгляд Лиды опустился в пустую чашку перед ней.

– Я поверю всему, что вы расскажете, – мягко произнес Яр. – Продолжайте.

Лида подняла голову и тоскливо посмотрела на Яра.

– В общем... согласно архивным данным в каждом из семи родов в каждом седьмом поколении умирает первенец... мужского пола... старший мальчик... Первый ребенок всегда мальчик, и он умирает.

Глаза Лиды покраснели, она достала платок и высморка-

лась. Молчание Яра она истолковала как сомнение и сказала:

– Поначалу я тоже не поверила. Я перепроверила данные несколько раз и залезла в семейный архив. Здесь до сих пор в ходу древние картонные альбомы с фотоликами.

Она вздохнула.

– Все подтвердилось.

– А отчего умирают первенцы? – спросил Яр.

– Несчастные случаи. Две автокатастрофы, несколько детей поперхнулось за едой и их не смогли спасти. Очень многие утонули во время купания. И перед смертью...

– ...у всех детей на руках появлялись стигматы?

– Ну, впрямую об этом нигде не говорится...не знаю...

Яр отодвинул пустую кружку из-под настоя шиповника в сторону. Поставил локти на стол и, соединив пальцы перед лицом, спросил:

– И какой же помощи вы хотите от меня? Стигматы – это по части христианской церкви. До Большого Экумена разные течения смотрели на стигматы по-разному, но сейчас любой священник...

– Мне не нужен любой священник. Я хочу, чтобы моего сына посмотрели вы.

– Как представитель другой конфессии?

Яр слегка улыбнулся, но его улыбка осталась без ответа.

– Как представитель другого взгляда на мир.

– Посмотрел и..?

– ...и дали свои рекомендации. Я пила всякие успокои-

тельные перед встречей с вами и поэтому теперь могу спокойно произнести это вслух... я не хочу... чтобы мой сын... погиб. И я сделаю все, для того чтобы этого не случилось.

Яр помедлил, потом кивнул.

– Где он?

– В моем флаере. Он припаркован на стоянке.

– На стоянке космопорта?

– Да, а что?

Лицо Яра просветлело.

– Это упрощает дело, сейчас с ним и поговорим.

– Не хотите далеко ехать?

– Не хочу без острой необходимости появляться за пределами космопорта. Команда «Ленинграда» нервничает. На вашей планете с психарями случаются неприятности.

– Да, я слышала. После того случая с вашим предшественником никто из психотехников с жителями Беловодья не хочет связываться... даже просто поговорить с Игорем не соглашаются, даже на территории космопорта...

Яр кивнул.

– Тогда идемте, я только предупрежу капитана, что мы далеко не пойдем, пусть посидят в кафе.

– Яр...

Она впервые назвала его по имени.

– Хотите узнать расценки на мои услуги?

Лида смотрела чуть удивленно.

– А как иначе? Ведь это же работа, которую вы будете вы-

полнять?

– Мне сказали, что вы сами поймете, чем можете отплатить мне за эту работу.

– Кто сказал?

– Духи.

Мальчик жонглировал яблоками. В его движениях вполне естественно не наблюдалось уверенности профессионала, но не было в них и восторга ребенка, освоившего что-то новое. Три мелких розоватых яблочка летали по своим орбитам привычно, Игорек чуть улыбался, следя за ними немного расфокусированным взглядом. Заметив возвращающуюся из кафе маму с каким-то худым парнем, он поочередно подбросил все три яблока вертикально вверх, и одно за другим поймал их. Первому яблоку он подставил левый карман куртки, второму – правый, а третье поймал в руки. Несколько столпившихся вокруг пилотов разразились аплодисментами.

Вместе с взрослыми аплодировала и девочка лет четырнадцати, с короткими пепельными волосами, которые при ближайшем рассмотрении больше напоминали плотную серую шерсть. Черты ее лица были почти человеческими, но инопланетное происхождение выдавали темно-серые, почти до черноты, глаза с вертикальными зрачками, чуть заостренные уши и чересчур курносый носик. Смех обнажал слишком острые для человека зубы.

Игорь поклонился зрителям, коротко кивнув девочке, вручил ей яблоко и, махнув рукой, пошел навстречу маме.

Яр поднял вверх палец и сказал Лиде:

– Я на пару минут.

Он подошел к пилотам, обменялся с ними несколькими словами, а потом, чуть наклонив голову, обратился к девочке. После первых нескольких реплик пилоты деликатно отошли в сторону, а девочка и Яр, усевшись друг напротив друга прямо на асфальт, начали разговор.

Лида давно, со времен своей учебы, не слышала звучания ярранского языка и вновь поразились его странной мелодичности. Эволюция, давшая кошачьим с Ярры разум, наделила их горлом, более подходящим для пения, нежели для членораздельной речи, которую может воспринимать человек. Чередование низких и высоких звуков, переливов и рычащего рокотания, напоминало Лиде то птичье пение, то звуки флейты, то просилось на избитое журналистами сравнение с кошачьим мурлыканьем. Разговор двух ярранцев всегда был дуэтом двух певцов, паузы между словами в котором заполнялись фоновым звуком со стороны каждого из говорящих, тон которого выражал настроение собеседников или их отношение к теме разговора. Лида никогда не слышала, чтобы человеческое горло так легко издавало протяжные и рокочущие соцветия нот ярранской речи: психотехник и ярранка разговаривали, словно негромко и слаженно пели, не оставляя ни доли секунды для тишины в ткани разговора. Через несколько минут девочка поднялась на ноги, подошла к сидящему Яру и обняла его. Яр встал, их правые руки, с поджатыми к ладони пальцами, соприкоснулись. Спустя се-

кунду она коснулась его плеча и зашагала к ожидавшим ее пилотам.

Яр помахал рукой обернувшейся через плечо девочке, и подошел к Лиде.

– Извините, надо было поговорить.

– Вы знакомы с этой чужой? – спросил Игорь.

– Не совсем. Но мне она не чужая, мы с одной планеты. Ирха – психотехник с «Сирина», терранского научно-исследовательского корабля.

– Такая маленькая и уже психотехник?!

– Игорь, когда начинаешь разговор, не забывай здороваться и представляться, – подчеркнуто строго сказала Лида.

Мальчик вздохнул и протянул руку. Под расстегнутым рукавом на внутренней стороне запястья Яр заметил сливающуюся с кожей желтую полоску пластыря.

– Здравствуйте, я Игорь. Это с вами мама хотела меня познакомиться?

– Привет, Игорь. Видимо со мной. Меня зовут Яр.

Игорь окинул его оценивающим взглядом и сказал:

– Яр с Ярры – это классно звучит. А как...

– Пойдемте в сквер, там и поговорите.

Яр подумал, что Лида погорячилась назвать сквером эти несколько деревьев и пару лавок напротив кафе. Но на фоне общего бетонно-металлического пейзажа – пожалуй, действительно сквер. Игорь сел рядом с ним на одной скамейке, а Лида пошла на соседнюю, на ходу доставая из сумки пла-

стик «вечной книжки».

– Хорошо жонглируешь. Где так научился? – спросил Яр.

– Сам, – не без гордости сказал Игорь, – по объемнику увидел, захотел и научился.

– А эти штуки на руках не мешают?

– Не-а, они почти заросли.

Он задрал рукав и легко отогнул пластырь. Язва была небольшой, не гноилась, не кровоточила и была близка к заживлению. На второй руке язва была побольше, но тоже выглядела закрывающейся. Краем глаза Яр заметил, как отложила книжку в сторону и напряглась Лида.

– И давно они у тебя?

– А вам разве мама не сказала? – удивился Игорь. – Две недели уже.

– И что ж не зарастут до конца никак? – сделал непонимающее лицо Яр и сунул руку в карман.

– Не знаю...

Было заметно, что по мере приближения к сути разговора, он делается для Игоря все более неприятным. Яр почувствовал, что еще пара фраз и Игорек начнет отвечать односложными «да» и «нет». Он достал из нагрудного кармана руку с парой «коготков»: гладких серых камней, каждый из которых с одного конца заканчивался клювообразным острием.

– А я тоже умею жонглировать, – сказал Яр почти весело. – И даже одной рукой.

Он положил камни на ладонь и продемонстрировал маль-

чику. Пошевелил ладонью, и камни двинулись один вокруг другого.

– Смотри.

Теперь Яр приблизил руку к лицу Игоря и камни, словно живые заскользили между растопыренными пальцами почти не касаясь их, то появляясь, то исчезая.

– Правда, как живые? Словно так и надо, – произнес Яр и повторил. – Надо! По одному из ярранских поверий они умеют говорить.

И через секунды снова повторил последнее слово фразы:

– Говорить!

Вцепившаяся в лавку чтобы не вскочить и не прервать этот странный разговор ярранского шамана с ее сыном, Лида почти не слышала слов их беседы, но улавливала тон голоса Яра: его голос стал мягким и хрипловатым, сочащимся тягучими гласными. Патока, а не голос.

Камешки-«коготки» сновали между пальцами Яра, и он, не меняя интонации, задавал мальчику вопрос за вопросом.

– После чего у тебя появились язвы на руках?

– Дедушка рассказал мне историю...

– Дедушка Сергей рассказал тебе историю?

– Да.

– О чем история дедушки Сергея?

– О святых Кирилле и Мефодии.

– Что сделали Кирилл и Мефодий?

– Они спасли Беловодье.

– Как Кирилл и Мефодий спасли Беловодье?

– Старший брат Кирилл распял на кресте младшего брата Мефодия, кровь его умастила землю Беловодья и стала земля родить в год по четыре раза и более...

Глаза Игоря были полуприкрыты, кровь отхлынула от лица, с нижней губы на куртку потянулась тонкая паутинка слюны.

– Что еще говорил тебе дедушка Сергей?

– Что всякий добрый христианин должен быть готов пожертвовать собой ради общего благополучия...

– О чем он просил тебя?

– Чтобы я каждый день перед сном вспоминал о подвиге Кирилла, Христу уподобившемуся и примерял на себя мученический его венец ...

Губы мальчика дрожали, но Яр решился на еще один, последний вопрос.

– О чем он еще просил тебя?

– Чтобы я никому не рассказывал о нашем разговоре и о его просьбе...

Яр сжал губы.

– Хорошо, Игорь. Ты хорошо жонглируешь яблоками, но думаю и вещи посложнее освоить можешь. Можешь! Научиться любому умению, это словно дремать в неведении, а потом проснуться. Проснуться!

Глаза мальчика приобрели осмысленное выражение.

– Так говоришь, ты никогда не слышал о Кирилле и Ме-

фодии? – спросил Яр.

Было видно, что врать Игорю пока удается с трудом.

– Это древние священники с Терры? Что-то про алфавит?

– Ну да, – сказал Яр и махнул рукой Лиде.

– Яр, а скажи, как так случилось, что ты с планеты чужих?

– Это долгая история, при случае расскажу.

Заметно побледневшая Лида повела Игорька к флаеру, слишком сильно стискивая его руку и прерывистым голосом наказывая ждать ее внутри, смотреть объемник, наружу не выходить и ни с кем не разговаривать.

Яр сидел, откинувшись на спинку скамейки, и смотрел на просвечивавшие под лучами заходящего солнца листья деревьев на фоне темнеющего безоблачного неба. Настроение у него было паршивое.

– Почему вы не предупредили меня, что, работая с ребенком, будете использовать гипноз?

Яр вздохнул. Началось. «Работая с ребенком»... Когда людям нужна помощь, они говорят человеческим языком, когда эта помощь их пугает, они переходят на канцелярит.

– Лида, вам нужна нашивка торгового союза или доставка груза?

Собеседница Яра, набравшая воздуха для обличительной тирады, осеклась.

– Я просто испугалась, когда увидела как вы что-то крутите между пальцев, а Игорь как замороженный... Извините... Что он вам рассказал?

– Если кратко, то дед Сергей готовит его к чему-то... воспитывает в нем необходимость пожертвовать собой.

Лида слушала, открыв рот, и Яр не стал цитировать слова мальчика о «мученическом венце». Впрочем, он и не мог не объяснить ей серьезность положения.

– Не хочу вас пугать, но вполне вероятно на Беловодье есть тайное мужское общество, периодически приносящее первенцев самых старых родов в жертву... ради всеобщего благополучия, например. Такое встречается в закрытых социумах. В общем, со всем этим надо идти в полицию. Как профессиональный психотехник я дам показания о состоя-

нии мальчика, которых будет достаточно, чтобы отстранить отца и его родственников от воспитания до суда.

Лида закусила губу.

– Если я пойду в полицию... Я должна подумать.

– Да сколько угодно. Имейте только в виду, что судя по времени появления стигматов, его обрабатывают как минимум уже две недели... То есть случиться с вашим сыном что-нибудь может в любой момент. Или вы всерьез думаете, что все как-нибудь само обойдется?

Она была готова заплакать.

– Вы не понимаете... Терры больше нет, и у меня нет нигде ни родственников, ни друзей! И если я пойду с семейным делом в полицию... вынесу сор из избы... От меня же здесь все отвернутся! На меня и так до сих пор глядят как на чужую! А у меня здесь дом! У меня здесь муж!.. Мне некуда деваться!

Лида вдруг поймала себя на том, что подумала сперва об их с Эриком доме, а о самом Эрике – во вторую очередь, только во вторую...

Яр развел руками.

– Вы рассказывали кому-то еще обо всем этом?

Она мотнула головой.

– Тогда смотрите. В вашем доме Игорь не в безопасности, а у вашего мужа такое положение дел не вызывает ничего кроме слез. Впрочем, дело ваше. Я сделал то, что вы просили. Дальше вам самой надо решать, как быть дальше.

Лида кусала кулак левой руки, а правой комкала платок.

«Это твой выбор, – подумал Яр, глядя, как Лида кусает пальцы, – и никто его за тебя не сделает».

Словно услышав его мысли, женщина подняла на него покрасневшие глаза.

– А вы можете спросить что мне делать? Ну... там... у них?..

– У духов? – догадался Яр.

– Да.

– Могу. Но вы же понимаете: что бы они не сказали – принимать решение придется вам.

– И все-таки я хочу знать.

– Ладно. Я схожу к духам и спрошу совета, что вам делать.

А вы пока выпейте чаю и успокойтесь.

Сквозь стеклянную стену кафе Лида смотрела как Яр, сидя на лавочке, подобрал под себя ноги, расслабил плечи так, что руки повисли как плети, и прикрыл глаза. На первый взгляд казалось, что он спит, но тело его чуть вздрагивало.

Лида оглянулась. Команда «Ленинграда -115» за сдвинутыми столами в углу кафе молча смотрела то на Яра, то на нее.

Нинель летела во флаере с Лидой и ее сыном, а Яр с Аккером в прокатном аппарате слушали ругань державшего руль капитана Ежи.

– У меня с самого начала было предчувствие, что ты не захочешь сидеть на космодроме! Мало того, тебе теперь надо переться в сам Царьград!

– В здешней сельской глубинке было бы опаснее, – довольно робко возразил Аккер.

– Молчи, Аккер. Мне хотелось просто скинуть-принять груз и стартовать на Метрополис. Надо послушать твоих чертовых духов – я не против. Надо помочь дурехе-мамаше – я только за. Но нахрена нам тащиться...

– Я бы так не именовал духов перед полетом на ваш любимый Метрополис, – заметил Яр.

– Ладно, извини, – капитан Ежи не отрываясь от руля, коснулся локтем кобуры со станнером. – Но ты можешь хотя бы объяснить нам, что ты забыл в Царьграде?

Яр помолчал, сосредоточенно разглядывая грязноватое стекло флаера.

– Ну, скажем так... Духи сказали мне, что на Беловодье есть человек, который знает информацию, которая будет мне полезна и важна. И что Лида знает этого человека.

Ежи Чанг нахмурился.

– А почему она должна?..

– Это ее плата за мою работу.

– Так сказали духи? – не без сарказма спросил капитан Ежи.

Яр кивнул.

– Мы поговорили с Лидой и оказалось, что она действительно знает этого человека.

Какое-то время в кабине флаера царило молчание, нарушаемое лишь негромким постаныванием двигателя. Не отрываясь от созерцания растущей впереди каменно-металлической громады Царьграда, Аккер спросил:

– Ежи, а чего ты не включишь автопилот?

– Потому что я ничему не верю на этой планете.

Капитан говорил уже спокойно, но в его голосе чувствовалось напряжение.

– У меня нет уверенности, что автопилот вдруг не врежет нас в ближайшее дерево.

– Теория всемирного заговора? – осведомился Аккер.

– Теория всепланетного заговора, – в тон ему ответил капитан Ежи. – Я спинным мозгом чувую, что мы ввязываемся в какое-то дерьмо. Мы уже занесли ногу, чтобы в него вляпаться. Причем на не самой терпимой планете, а в, назовем уж вещи своими именами, довольно фундаменталистском мире.

Аккер все также смотрел в окно, Яр дипломатично молчал. Через минуту Аккер спросил:

– Яр, ты можешь нам рассказать, за какой информацией

ты охотишься? И уж заодно – чем твоя охота всем нам грозит?

– Я могу только сказать, что я не занимаюсь ничем криминальным. Я не преступник и не шпион. Я копаюсь в одной истории из прошлого. Все.

Ежи Чанг хохотнул.

– Ты нас прям обнадежил. Проверь оружие, Аккер, похоже, мы приехали.

Флаеры приземлились на парковке возле давно требовавшего ремонта многоквартирного дома на окраине Царьграда. Район выглядел бедновато, возле свалки неподалеку крутились несколько подростков и пара собак.

– Капитан Ежи и Игорь, я прошу вас подождать здесь, рядом с флаерами, – увидев, что тот готов возмущенно возражать, Яр добавил. – Мне нужны Нинель и Аккер, как сработавшая пара из десанта, и надо кого-то оставить рядом с флаерами, чтобы если что этот кто-то мог вызвать помощь. Ну и чтобы местная шпана что-нибудь не отвинтила.

– Бог мой, он уже распоряжается...

Ежи Чанг взглянул на задремавшего во время поездки и теперь зевавшего мальчика, покрутил головой и махнул рукой.

– Впрочем, раз ты, Яр, втягиваешь нас в историю, то и делай, как знаешь.

– В какую историю? – спросила Нинель.

– Мне бы тоже хотелось знать в какую именно, – провор-

чал капитан Ежи.

– Игорь, покажи капитану Ежи Чангу, как ты умеешь жонглировать, – сказал Яр. Игорь заулыбался и начал шарить по карманам.

– Игорек, веди себя хорошо, – сказала Лида.

– Просто цирк, – сказал капитан Ежи, и из рук Игоря в воздух взлетели розоватые беловодские яблочки.

Обшарпанный подъезд дохнул на вошедших ароматом застоявшейся вони. Автоохранника в этом доме явно никогда не водилось, а стол консьержки пустовал.

– Он очень нервный и пугливый, – рассказывала Лида, пока они, убедившись, что лифт не работает, поднимались пешком на третий этаж. – Думаю вам и вам, – она кивнула Аккеру и Камински, – лучше остаться в коридоре. И вы, Яр, тоже стойте в коридоре, пока я не позову.

Длинный коридор с дверями квартир освещался тусклым мерцанием световой побелки потолка. Они втроем стояли возле никогда немытого окна в торце коридора рядом с лестницей и наблюдали, как Лида шепчет что-то в переговорное устройство одной из квартир.

– Кэп, мы на этаже, все в порядке, – сказала Нинель в радиоклипсу на лацкане комбинезона. А потом, выслушав ответ капитана, спросила Яра:

– Чего тебе надо, психарь?

– От кого?

Дверь квартиры открылась, изнутри раздался тихий

неразборчивый голос, тембром напоминавший несмазанную дверь, и Лида скрылась внутри.

– От нее. – Нинель кивнула в сторону закрывшейся двери. – От нас.

– Мне сказали, что в качестве платы за помощь она сможет помочь найти нужного мне человека. От вас мне не нужно ничего, кроме доставки на Метрополис.

Яр говорил терпеливым тоном, а глаза его внимательно смотрели на закрывшуюся дверь.

– Он от кого-то прячется? Надеюсь не от тебя?

– От кого-то – по всей видимости. Иначе, зачем ему жить в этих трущобах на заштатной сельскохозяйственной планете. Не от меня – совершенно точно, мы незнакомы.

– То есть мы можем рассчитывать что это не твой враг, которому ты пришел ломать шею?

Яр фыркнул.

– Я бы не стал брать с собой столько свидетелей.

Он перевел взгляд на Нинель и ухмыльнулся.

– Ведь ты от меня не отстанешь со своими расспросами, второй пилот Камински?

– Насколько ты успел меня узнать – не отстану. Кроме того, это касается всего экипажа. Капитан Ежи всю войну водил транспортники, в том числе через районы неизвестной принадлежности. Ни одного при этом не потерял. И если он говорит, что ты нас во что-то втягиваешь, то я склонна верить его интуиции. Мы теперь обычные торговцы, но, как и

в армии – не любим, когда нас используют втемную, психотехник Гриднев. Расскажешь что-нибудь, наконец?

Яр глубоко вздохнул.

– Расскажу, но чуть-чуть. Нет никакого криминала и личной мести. Есть одна грустная история... Официально считается, что она закончена и непоправима, словом, надо жить дальше. Неофициально – специалисты признают, что в ней слишком много тумана. И этот человек...

Яр коротко качнул головой в сторону коридора.

– ...может что-то знать? То есть ты случайно... то есть по наводке твоих духов нашел свидетеля, забравшегося под козлягу на Беловодье, и думаешь, что он тебе что-то скажет? – договорила Нинель.

Он кивнул.

– Это известная история? Известная всем? – упорствовала Нинель.

– Это все, – сказал Яр, делая отодвигающий жест ладонью. – А то еще действительно, чего доброго, втяну вас в...

В гулкой тишине коридора щелчок замка прозвучал пугающе громко. Лида выглянула из приоткрытой двери и замала рукой, подзывая Яра. Он быстрым шагом двинулся по коридору, и они оба скрылись в квартире.

– Плохо дело, – подытожила Нинель.

Молча слушавший все это время Аккер только хмыкнул.

– Ты зря мычишь, дорогой. Если этот психарь действительно периодически работает на полицию, а у нас нет осно-

ваний в это не верить, то он может откопать такую навозную яму, что мы в ней утонем все. Вместе с «Ленинградом».

– Я понимаю. Если бы не эта фундаменталистская планета... да бог с ней, если бы у нас хотя бы была возможность взять другого психотехника, чтобы лететь на «Метрополис», я бы первый сказал об этом Чангу. А так... Боюсь придется просто держать ухо востро и надеяться что все обойдется. Парень не дерганый, работает профессионально, и, ему неохота, что самому подставляться, что нас подставлять.

– Ну, – согласилась Нинель, – когда нефига сделать не можешь, только и остается надеяться, что все обойдется.

Аккер сжал пальцами клипсу на лацкане комбинезона.

– Капитан Ежи, у вас все в порядке? Мы там же, ждем.

Снова шелкнул дверной замок.

– Вот девушка вышла, к нам идет. А он еще там.

Аккер вновь хмыкнул.

– Судя по всему – разговаривает. Мне тоже надоело. Как мальчик? Да, я скажу.

Лида подошла к ним и неловко застыла на месте, переплестя руки на груди. Лицо ее шло красными пятнами.

– Все в порядке? – неожиданно мягко спросила ее Нинель.

– Да... – Лида выглядела слегка растерянной. – Мой знакомый очень ругался, когда я сказала, что с ним хочет поговорить ярранский шаман. Кричал, что ни во что и никому не верит, и хочет, чтобы его все оставили в покое... Я думала, что он Яра вашего сразу выставит. Так орал на него. Еще

когда отец был жив, он так и звал его по-дружески – Ингви Железная Глотка...

Лида испуганно хлопнула пальцами по губам.

– Ах ты! Все я выбалтываю. Не говорите никому, он тут вообще под другим именем живет. Ладно?

– Мы вообще не при делах, дамочка, да и фамилии вашего Ингви не знаем.

– Спасибо. Ну, так вот, – чувствовалось, что Лиде хочется выговориться: – Ингви на Яра орет, а тот просто молча слушает и улыбается так чуть-чуть печально. А потом сказал ему как-то вроде «Тяжело в одиночку нести такой груз, Ингви?». И тот – все, замолчал, как отрезало.

– А потом? – все так же мягко поинтересовалась Нинель.

– А потом они меня выставили. Сказали «мужской разговор».

Минуты медленно тянулись, пока, наконец, не шелкнул дверной замок. Яр вышел наружу, неспеша подошел к ним, задумчиво посмотрел на Лиду и сказал:

– Попрощайся с ним, если хочешь, и поедем.

Когда они снова остались втроем, Нинель спросила:

– Узнал что хотел? Шею свидетелю ломать не стал?

Яр усмехнулся.

– Узнал. Не стал. Не волнуйтесь вы так: теперь в космопорт, а там до Метрополиса доберемся и я вас покину.

Нинель кивнула, а Аккер философски заметил:

– До Метрополиса еще надо дожить.

На выезде из Царьграда капитан Ежи Чанг внезапно прервал свой красочный рассказ о том, как Игорек развлекал местную шпану своим яблочным жонглированием и спокойно заметил:

– Нас ведут, как даму под руку.

Аккер скосил взгляд на экран заднего вида, а Яр спокойно сказал:

– Да, светло-серый флаер с желтыми полосками, от самого дома прицепился.

– Интересно, за кем он полетит? – сказала Нинель.

На развилке они свернули к космопорту, а машина Лиды с сыном отправилась дальше по главной магистрали. Серый с желтым флаер на средней скорости проследовал за ними. Яр дотянулся до панели символов на приборной доске и, кашлянув, сказал:

– Лида, похоже, за вашим флаером следят, скажи родным, пусть вас кто-нибудь встретит.

В ответ Лидин голос сказал что-то утвердительное, и после невнятно произнесенной благодарности связь прервалась.

– А может, показалось... – сказал Аккер.

– Я рада, что мы улетаем, история какая-то мутная, – сказала Нинель. – Хотя дуреху эту мне жаль. Яр, а ты выяснил, что у мальчика на руках вскочило? Это действительно стигматы?

– Да. На Ярре такое бы посчитали достаточным поводом

для визита к деревенскому шаману. На обычной планете Терранской федерации честолюбивые родители отвели бы сына на психотехнический тест.

– То есть он вроде шамана? И ты думаешь, что здесь таких детей...

Окончание фразы повисло в воздухе.

– У него есть способности, – сказал Яр. – Как в какой-то мере они есть практически у каждого. А уж как на этой планете поступают с подобными детьми...

Нинель подумала, что это чуть отстраненное пожимание плечами очень идет Яру, видимо потому, что позволяет даже факт незнания чего-то выразить красиво.

– ...можно только предполагать. В конце концов, то, что на этой планете не жгут психотехников на кострах, еще не означает, что с ними не происходит несчастных случаев чаще, чем с остальными.

Капитан Ежи хмыкнул и мотнул головой вперед.

– ...и это не значит, Яр, что даже обычная консультация местного жителя может для приезжего психотехника пройти безнаказанно. Вон, полюбуйтесь.

Они почти подъехали к космопорту. Среди флаеров и машин на автостоянке возле ворот выделялся темно-синий полицейский флаер. Мужчина в форме, задумчиво покачивавший на руке планшет, увидев прокатный флаер с командой «Ленинграда», бросил взгляд на экран планшета, а потом что-то сказал сидящим в салоне. Боковые двери патрульного

флаера отъехали. Наружу вылез второй полицейский, а вслед за ним – молодой священник в черной рясе.

Яр снова сидел за столом в дальнем углу кафе. Отец Федот, откинувшийся на спинку пластмассового стула напротив Яра, повернул голову и явно любовался своим отражением в стекле, за которым в светло-серых сумерках мигали огни космопорта. Полицейские остались в своем флаере у проходной, команда «Ленинграда» ужинала за все теми же столиками.

Психотехника и священника никто не торопил и каждый в молчании ждал начала разговора.

Яр допил свой настой шиповника и отставил кружку в сто-
рону.

– Вам известно, почему эту планету назвали именно так?

Налюбовавшись собой в оконном отражении, священник задал вопрос и принялся рассматривать Яра. Голос его был тонковат, и усы над верхней губой едва пробивались, но, похоже, свою молодость он привык компенсировать напором.

– Вокруг Царьграда и в ручьях, и в реке Теше вода вся белая от известняка, – медленно сказал Яр.

– Смешно, – заметил отец Федот без малейшей улыбки. – То есть это действительно так, но главная причина не в этом. Вам действительно неизвестна история святых Кирилла и Мефодия?

Яр пожал плечами.

– Мы первый день на планете и я пока не собрался пошарить в сети.

– А зря, – произнес священник, рисуясь. – Эта история многое объясняет в мировосприятии местных жителей. Колония была разбита на Беловодье случайно. Когда этот район галактики только начинал осваиваться, здесь совершил вынужденную посадку корабль с переселенцами. Это были разные люди, искавшие лучшей доли. И когда починка корабля оказалась невозможна имевшимися средствами, многие начали роптать. Надпространственная связь у них не работала... а может это был корабль без подобного аппарата. У переселенцев были семена для посевов и скот на развод, поскольку они летели на планету с плодородной почвой. Но Беловодье на тот момент было планетой со скудной почвой, не дававшей всходов терранских культур. Прокормиться охотой на бедной съедобной дичью планете такому количеству людей было невозможно. Можно было зарезать скот, но что ждало бы их потом? Беспорядки еще не начались, но ждать того момента, когда прольется кровь, было по всем приметам недолго.

Отец Федот отхлебнул из своей кружки.

– Слава богу, нашлись два праведника, братья Кирилл и Мефодий, которые денно и нощно молили господу о спасении людей. И тогда им обоим в одну и ту же ночь приснился чудесный сон, в котором с небес спустился ангел и указал, что делать для спасения их близких. На следующий день бра-

тъя отправились в уединенное место, которое им было указано во сне, и нашли на том месте холм, а на нем одиноко растущее дерево. Тогда братья кинули жребий, ибо ни один не желал уступить другому чести стать жертвой ради спасения людей. Эта высокая честь выпала Мефодию, и тогда Кирилл распял своего возлюбленного брата на дереве, прибив его руки гвоздями к ветвям. Кровь Мефодия, не останавливаясь, стекала по стволу дерева и питала собой землю, а Кирилл, встав на колени подле дерева, молил господа о чуде. И тогда реки, ручьи и озера планеты наполнились молоком, напитавшим голодных, а почва стала столь плодородной, что по несколько раз в год стала родить зерно для людей и траву для скота.

– Простите, батюшка, – прервал возвышенную речь отца Федота Яр. – А вы сами уроженец Беловодья?

– Нет, – ответил священник, слегка смутившись. – Я был прислан христианским крылом Ордена Креста и Полумесяца... как кандидат... подающий надежды для вступления в орден... для окормления паствы два года назад. А какое это имеет значение?

– Да так... Слушая ваш горячий рассказ, я решил что вы родились здесь.

Отец Федот чуть покраснел и горячо произнес:

– Я не могу не принимать близко к сердцу духовный подвиг столь высокого...

Яр кивнул.

– Разделяю ваше восхищение. История прекрасна и поучительна. Но я не понимаю, какое отношение она имеет к Лидии Арсеньевой и ее сыну? И к вашему визиту?

– Самое прямое.

Казалось, священник испытывает облегчение, оттого, что ему не пришлось переходить к главной теме их беседы самостоятельно.

– Священная история этой планеты до сих пор глубоко в сердцах ее жителей, и только недостаточно сильно верующий человек может удивляться силе веры в открытом богу детском сердце!

Яр сдержался, чтобы не поморщиться от торжественного тона своего собеседника, и вздохнул.

– «Недостаточно верующий» – это конечно Лидия Арсеньева? А обладатель «открытого детского сердца» это Игорь?

– Именно! – Священник победно улыбнулся. – Только недостаток веры может оправдать тревогу матери по поводу религиозного экстаза ребенка!

– Может и так, – сказал Яр, сделав грустное лицо. – Но что вы скажете о том, что его дедушка приучает внука к мысли о том, что надо пожертвовать собой во имя других?

– А разве может истинный христианин считать по-другому?

– То есть то, что Семен Арсеньев приучает...

– Вы хотите сказать Сергей Арсеньев.

– Да, извините, – Яр поморщился. – То, что Сергей Арсеньев приучает внука с молодых ногтей к самопожертвованию во имя других на примере легенды о Кирилле и Мефодии...

– Жития, подчеркиваю, жития! – раскрасневшийся священник потряс в воздухе пальцем.

– Простите, жития ...то есть это на ваш взгляд вполне нормально?

Отец Федот развел руками.

– Ну конечно, это же Беловодье! Малoverы с других планет могут только завидовать религиозному пылу беловодцев!

Яр кивнул.

– А как вы относитесь к результатам архивного исследования, которое провела Лидия Арсеньева?

Священник пожал плечами и снисходительно улыбнулся:

– Думаю, она что-то перепутала... Материнские чувства, знаете ли...

– Понимаю, – протянул Яр. – И чтобы убедить меня не идти на поводу слишком беспокойной матери, вы взяли с собой полицию?

– О чем вы говорите?! – чересчур театрально возмутился отец Федот. – Эти полицейские – просто мои прихожане из Макеевки, которые предложили подвезти меня до космопорта.

И поспешно добавил:

– Мой флаер в ремонте.

– Понятно. Но суть я уловил верно? Вы приехали убедить меня не вмешиваться?

Отец Федот радостно кивнул. Его юное пухлое лицо свтилось от сознания собственной правоты.

– Да! Лидия Арсеньева слишком трясется над своим сыном, вы же знаете, как матери пугаются всего, что может причинить вред их детям. Если бы на Беловодье, упаси бог, приехали бы на гастроли эти... «Валькирии Вавилона», и Игорь решил бы пойти на их концерт, как вы думаете, как отреагировала бы его мать? Она бы так же испугалась! Вы же сами видели: Игорь нормальный ребенок, более чем здоровый, кровь с молоком. А стигматы это всего лишь признак истинной веры, поболит да зарастет, вам ли этого не знать, как психотехнику.

– Да, – согласился Яр. – Возможно...

– И, в конце концов, – сказал отец Федот, решив добить собеседника окончательно. – Вы же должны понимать: это планета населена глубоко верующими людьми, и их религиозные чувства священны. И это гарантируют нам законы Терранской федерации!

– Именно! – неожиданно с энтузиазмом подхватил Яр. – А еще законы Терранской федерации гарантируют тайну личной жизни. Все факты, изложенные вами, Лидия Арсеньева, по ее словам, сообщила только мне. Следовательно, вы прослушивали наш разговор.

– Откуда вы... – На секунду священник опешил, но тут

же бросился в контратаку: – Ну и что такого? Законы Беловодья разрешают пастырям проведение оперативно-розыскных мероприятий, в том числе и применения подслушивающей аппаратуры, в случае угрозы окормляемой пастве, в том числе и угрозы духовной. Поправка двести восемнадцать к...

Яр широко улыбнулся.

– Уголовный кодекс Терранской федерации запрещает любым организациям кроме службы безопасности федерации применение подслушивающей аппаратуры в государственных учреждениях и на приравненных к ним объектах. К ним относится и космопорт.

Лицо отца Федота пошло красными пятнами.

– Но я не знал, что Лидия направится сюда...

– Это будет громкое дело, – мечтательно произнес Яр, словно не слыша собеседника. – Закон федерации против закона фундаменталистской планеты. В процессе разбирательства выплывут и мальчик со стигматами, и архивная статистика детских несчастных случаев на Беловодье, выявленная Лидией Арсеньевой... И манера пастырей-кандидатов в орден вмешиваться в дела прихожан в очередной раз взбаламутит общественность. Не дело, а конфетка – мечта журналиста. А лично вам даже будет не столь уж важно, кто его выиграет. Скажите, отец Федот, вас привлекает громкий скандал в начале вашей церковной карьеры?

Священник смотрел на Яра, выпучив глаза. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент грохнула о стену

входная дверь в кафе.

По проходу к их столику бежала Лида Арсеньева.

Темно-серые сумерки стали клубящейся темнотой, которую разрезали лучи фар. Через полчаса автонавигатор заставил флаер свернуть с шоссе, пустоту которого разрушал лишь один припаркованный на обочине мобиль, и два флаера понеслись прямо над ржаным полем, стремясь к пункту назначения самым коротким путем.

Яр сидел на заднем сидении флаера, между Лидой Арсеньевой и отцом Федотом. Священник периодически потирал пунцовую щеку, на которой отпечатался след Лидиной ладони. Вид у него был беспокойный и напуганный.

– Я не знаю, что произошло в Макеевке...и главное, я не понимаю, почему такая паника, и это... – он снова потер щеку и, выглянув из-за Яра, опасно посмотрел на Лиду. – Ну, с чего вы сделали такой вывод, что с Игорем произошло что-то плохое? Может быть, он действительно поехал с бабушкой на рыбалку?

Лида подпрыгнула и заговорила почти спокойным звонким голосом, в котором, тем не менее, чувствовалось готовое прорваться напряжение.

– Вы не понимаете. Вы всего пару лет как прилетели сюда и ничего не понимаете! Я тоже сначала не замечала что у мужчин на Беловодье свои тайны...свои разговоры вполголоса, стихающие при приближении женщин... Ладно, бог с

ними. У мужчин на любой планете есть свои закрытые клубы, но если говорить о фактах: с чего вдруг, не успеваю я привезти сына домой, как он тут же исчезает! А отец, с которым он всегда ездит на рыбалку, сидит дома с каменным лицом, и отвечает на мои вопросы как пластиковый кибер-продавец! А дед Сергей за все время, что я здесь живу, ни разу на рыбалку ни ходил! Тоже мне рыбак! И все родные, которых я спрашиваю о том, что же, черт возьми, происходит и где мой сын, отводят глаза и талдычат, талдычат про эту проклятую рыбалку!

Казалось, Лида готова вlepить отцу Федоту вторую пощечину.

– Лида, а как случилось, что вы вернулись к сыну, после того как оставили его у родственников?

Яр понимал, что особого значения ответ не имеет, но это был хороший способ чуть разрядить ситуацию.

– По пятницам, если мы никуда не идем, мы с ним... втроем с Эриком обычно смотрим объемник. Так должно было быть и на этот раз. Я не хотела тащить Игорька в магазин после всех сегодняшних поездок и по дороге оставила его у бабушки. Мне иногда становится поперек горла бухтение мужниных родственников за спиной, что «жену Эрика и готовить толком не научили». И я периодически готовлю что-нибудь для своих... для сына, для мужа... Это ж на Беловодье шик такой провинциальный – не пользоваться кухней-автоматом, а самой кашеварить. И я заехала в магазин, а когда вернулась

назад... Игорька уже не было... только эти пустые лица... и отведенные глаза.

Лида снова заплакала.

– А почему вы кинулись ко мне? – несмело спросил священник.

– Ну вы же... они же все...

Девушка не могла толком говорить, и Яр со вздохом объяснил:

– Во всей этой истории слишком много религии... днем я сказал Лиде, что возможно в Макеевке есть тайное мужское общество, и вполне вероятно – с сильным религиозным оттенком... Лида решила, что без вас, как приходского священника, тут не обошлось.

– Понимаю.

С переднего сиденья подал голос сидевший за рулем Аккер:

– Яр, а тебе не кажется, что все это... вы уж извините, Лида... что все это отдает паранойей? Тайные мужские общества, и прочая теория заговора...

– Действительно. – Нинель развернула переднее сиденье и с неудовольствием посмотрела на Яра. – Если посмотреть на это отстраненно, а? Вокруг эпоха межпланетных перелетов, конфликты с чужими, проблемы виртуальной наркомании и искусственного интеллекта. И тут...

– Вдруг! – вставил Аккер, не оборачиваясь.

– ...Да, и тут вдруг, ни с того ни с сего на вполне бла-

гополучной планете, ну да, чуть более патриархальной, чем мы привыкли, и, тем не менее, по первому зову федерации выславшей свои корабли для борьбы с Берком, на этой планете тайно производятся человеческие жертвоприношения? Не слишком, Яр? Ты палку не перегибаешь?

– Посмотри на это с другой стороны, Камински. Пока шла война, и никого ничего не интересовало кроме победы, возродились забытые обычаи. Разве это так уж невозможно? А если статистика Лиды верна, то это тянется очень давно. И началось задолго до Беркского конфликта.

Яр вздохнул.

– Я буду очень рад, если выяснится, что я ошибаюсь. А пока я очень рад, что капитан Чанг остался на корабле. Потому что если я не ошибаюсь – то вполне возможно, что нас ждут не самые безопасные события. И я... благодарен вам обоим, что вы поехали со мной.

– Еще бы, – проворчал Аккер. – Как нам улететь с этой планеты без психотехника.

Нинель ухмыльнулась и развернулась на кресле спиной к Яру.

В кабине флаера повисло тяжелое молчание.

Отец Федот покусывал нижнюю губу и смотрел в окно, где все сильнее накрапывал дождик. Теперь он не выглядел самоуверенным юнцом, скорее усталым от навалившейся ответственности мальчишкой. Казалось, начавшийся дождь начисто смыл его высокопарность.

– Я ничего не знаю об обществе... о тайнах...

– Когда я намеренно оговорился, назвав Сергея Арсеньева Семеном, вы меня тут же поправили. Стало быть, вы более-менее в курсе общинных дел. В конце концов, к кому как не к священнику ходят на исповедь.

Отец Федот сморщился.

– Вы что, правда, думаете, что они принимают меня всерьез? Я вообще сейчас начал подозревать, что им понадобился, – он явно передразнил чью-то высокопарную интонацию, – «служитель культа» из метрополии, а не из Беловодской епархии, чтобы его можно было особо не посвящать в местные дела. Если не знаете, Яр, то на Беловодье епархия весьма внимательно прислушивается к запросам приходов, и если бы они хотели «своего попа», то им бы такого нашли. А так... – он махнул рукой. – Очень удобный персонаж – всех обо всем спрашивает, всем смотри в рот и кивает... и всему сказанному верит... Я не в курсе, местных подводных течений! Сказал мне дед Сергей, что не дело, что его невестка к ярранскому шаману внука ведет – я его попросил «жучок» поставить.

Лида возмущенно фыркнула.

– Откуда я знал, что вы с ним делать собрались... – сказал священник устало и почти виновато. – Мне сказали по радио, что мальчик в порядке, что его увезут на природу на пару дней, чтобы никаких шаманов... пока ваш корабль не улетит... Куда его могут быстро отвезти? Только на Белый

хутор. Там и хутора уже давно нет, один амбар заброшенный, зато и рыбалка, и охота вокруг отличные. Мне вообще кажется, что вы, Лидия, зря так себя накрутили. Тот не так сказал, этот не туда глаза отвел. Вот сейчас приедем и убедимся что все в по...

Флаер впереди остановился. Один из полицейских вышел наружу.

Дверь прокатного флаера расступилась, пропуская выглянувшего наружу Аккера. Он поймал взгляд полицейского постарше и вопросительно задрал подбородок. Полицейский щелкнул зажигалкой и, выпустив струю дыма в сырое ночное небо, произнес:

– Надо поговорить.

Равнодушное лицо полицейского, разрезанное пополам светом фар и тенью от капюшона плащ-накидки, выглядело гротескной черно-белой иллюстрацией. Полицейский помоложе выбираться из теплого салона флаера похоже не собирался. Первой с представителем закона на Беловодье разговаривала Нинель. Когда она исчерпала свой немалый запас красноречия, ее сменил Аккер. Лиду они из флаера выпускать не стали, чтобы избежать при переговорах с полицией излишних эмоций.

Яр от участия в беседе с полицией отказался.

«Духи говорят, что все идет так как надо, – сказал он, сопроводив это утверждение фирменным пожатием плеч. – Если полицейские не хотят ехать на Белый хутор без второго патрульного флаера, то это их полное право. В Макеевке же знают, что Лида поехала в космопорт искать отца Федота? Знают. А следовательно, легко предположат, куда мать вместе со священником отправится за сыном. Сейчас его или перевозят в другое место, или он в полной безопасности. Пока мы едем на Белый хутор, ему ничего не сделают... Да, я уверен. А вот если мы сейчас, плюнув на мнение местных коп, самостоятельно махнем до хутора, то полицейские флаеры, которые быстрее гражданских... Уловили? Нас просто доставят в околоток, потом в космопорт и больше не выпу-

стят с его территории. А Лиду с отцом Федотом отправят в Макеевку. И кому мы поможем таким образом?.. Вот именно. А вам, Лида, я рекомендую лучше подумать над вопросом, что вы будете делать, если ваши подозрения подтвердятся... Спасать это само собой, а куда вы потом со своим мальчиком подадитесь? Вот и подумайте... Да, я допускаю, что местная полиция на их стороне. Но раз мы ввязались в эту историю, то можем только делать свои ходы, положившись на волю судьбы... Нет, для меня это не глупость. Я еще раз говорю – духи говорят, что все идет так как надо».

И все-таки Нинель, а вслед за ней и Аккер около получаса местного времени пытались объяснить полицейскому ошибочность его точки зрения. Тот на все доводы вежливо кивал, но стоял на своем: без второй патрульной машины они на Белый хутор не поедут, поскольку ночью, в такую погоду, и тем более, если подозрения матери пропавшего ребенка оправданы, это просто опасно.

Второй патрульный флаер подошел с еле слышным сквозь шум дождя шелестом.

– Ну вот, как я и говорил... Для наилучшего обеспечения вашей безопасности и во избежание... – Полицейский, не закончив фразы, безмятежно улыбнулся и прикурил очередную всепогодную сигарету, продолжавшую тлеть, выпуская голубоватый дымок, несмотря на усиливавшийся дождь.

Сейчас из второй патрульной машины вышел еще один полицейский и попросил всех выйти из прокатного флаера.

– Я хочу поговорить с каждым из вас, – отвечал он на все возражения Аккера. – Недолго, но с каждым. И не по радиосвязи, а глядя ему в лицо.

В момент, когда Нинель бурно делилась с Аккером своими соображениями о качестве работы полиции, как на этой планете, так и в галактике в целом, Яр помогал выйти Лиде из флаера, а отец Федот зябко ежился, сонно хлопая глазами, двое полицейских обменялись короткими кивками и синхронно вынули из карманов плащей станнеры. Нинель и Аккер, увидев стволы излучателей, одновременно рванулись, он к одному полицейскому, она – ко второму, но не успели. Яр с места ушел кувырком в сторону, но широкий веер парализующего излучения не дал ему подняться. Лида успела только широко распахнуть глаза, а священник, похоже, вообще не успел понять, что происходит.

Полицейский произнес в клипсу рации код смены частоты и, окинув взглядом мокнущие под дождем неподвижные тела, произнес:

– Все хорошо. Да, все в отключке. Забирайте.

Вдалеке послышался приближающийся шум мотора грузовика.

Мягкая поступь знакомых шагов бодрит, словно весть от друга...

Прыжок-приземление рядом.

Выпущенные когти царапают кору.

(Далеко... Совсем далеко... Бесконечно далеко... Боль в запястьях...)

Цхар встал на задние лапы и потерся головой о щеку Яра. Темно-синие глаза с вертикальным зрачком смотрели с обычным доброжелательным спокойствием.

(Где-то вдали каблуки простучали по цементному полу)

Облокотившись о ствол дерева, и спустив ноги по обе стороны ветки, Яр уселся поудобнее, и посмотрел вниз, в привычный глазу вечный полумрак леса, который неяркими фосфоресцирующими стрелами расцвечивали мелкие красные и желтые цвеки.

Цхар зевнул и посмотрел на Яра с некоторым неудовольствием. Бархатный голос зверя раздался в голове как всегда неожиданно, и Яр подумал, что видимо никогда не сможет привыкнуть к тому, насколько может быть приятным звук, издаваемый этим существом.

«Ты знаешь, что тебе хотят причинить зло? И что тебе снова мало кто сможет помочь? Как тогда, на Авалоне?».

«Я знаю, Батр Цхар. Я пришел просить тебя о помощи».

Цхар сыто мурлыкнул.

(Где-то в той же недостижимой дали хлопнула дверь)

«Какой помощи ты хочешь, странный кеху-тан? Неумный кеху-тан! Ты помнишь, что это чужая земля?»

«Помню. Мне нужно говорить с хозяином этой земли».

«У всякой земли есть много хозяев: есть те, что летают и те, что плывут, те, что в земле и те, что на ветках...»

«Мне нужен Хозяин этой земли, тот, кому приносят в жертву детей, думаю, именно ради него землю поят кровью. Тот, кто сделал землю плодородной и кого благодарят детской кровью. Мне нужно с ним говорить».

«Я сделаю это, кеху-тан»

«Все не так просто, Батр Цхар. Мне нужно чтобы он захотел других жертв».

Темно-синие глаза цхара улыбнулись.

«Взрослых?»

«Нет. Молока, или плодов, или крови скота из загонов, скота, который разводят для еды ... или всего сразу. И мне надо чтобы он проявил свое решение перед этими людьми, так проявил, чтобы они запомнили, и передали детям и внукам».

Цхар фыркнул.

«А если он не захочет отказаться от детской крови?»

«Тогда вполне может быть, что через не так уж много смен жары и дождя планета погрузится в смерть. Ты же знаешь, что начавшие платить за благополучие кровью своего народа

приближают конец времен. На исходе своего ума они расколят эту землю на осколки в пустоте, как бывало и раньше с другими землями... И Большой Хозяин, и Маленькие Хозяева станут голодными и бесприютными бродягами пустоты»

Цхар молчал.

«А меня и моих спутников на этой дороге окунут в смерть сегодня же. И пророчество, о котором ты неустанно напоминаешь мне, не сможет свершиться»

Цхар поднял голову, и Яр увидел, как темно-синие глаза зверя затуманились от боли, а клыки чуть оскалились.

«Кеху-тан! Пророчество не может остаться неисполненным!»

«Это зависит от нас двоих, Батр Цхар»

«Я сделаю все, кеху-тан, но с чего Хозяину этой земли отказываться от жертв детской кровью по твоему велению, если он брал их до этого?»

Когти цхара вновь царапали ветку.

«Потому что когда я разговаривал с кораблем, он был готов лететь. Но когда я разговаривал со здешней землей, она не хотела отпускать корабль и просила меня дождаться того, кто придет просить о помощи. И пришла женщина, и я помог ей, и узнал то, что узнал и пришел туда, где сейчас. Я думаю, меня вела воля Хозяина этой земли».

Цхар почти успокоился и, прищурился глазами, выгнув спину.

«А что, сказать детям этой земли свою волю Хозяин напрямую не сможет? И кеху у них перевелись?»

Яр качнул головой.

«Боюсь, дети этой земли разучились слышать не только Большого Хозяина, но и Маленьких Хозяев. Думаю, они уже не слышат никого кроме самих себя. А кеху... тех, кто может стать кеху, они и приносят в жертву Хозяину»

Цхар негромко зарычал.

«Какая глупость!»

«Не суди их строго, Батр Цхар, они лишь приемные дети этой земли. Когда-то давно, прилетев сюда, один из них смог разбудить благосклонность Хозяина, пожертвовав своим братом, и спас свой народ. Так говорят древние слова приемных детей этой земли. Может так и было. Но я думаю, что он принес в жертву себя»

«Так эти люди повторяют форму поступка, не заполнив его пустоту?»

«Думаю так»

«Еще одна глупость. Я понял тебя, кеху-тан. Ты хочешь говорить с Хозяином этой земли сам?»

Яр прислушался.

(Очень далеко отсюда слова и шаги множились и звучали все громче)

«Боюсь, времени на это уже не осталось, Батр Цхар. Ты должен сам найти его, рассказать все то, что рассказал тебе я, и убедить проявиться перед этими людьми так, чтобы сомнения ума не мешали их взгляду. И на это остается совсем немного времени. Я думаю, что со мной захотят поговорить,

перед тем как окунуть в смерть, и я буду длить эту беседу сколько смогу. Но я не прибавлю тебе много времени»

«Я верю в пророчество и я успею. Смерть это родник, кеху-тан, но я не чую твоей жажды».

Оттолкнувшись от ветки, огромный зверь нырнул вниз, распугивая недовольно стрекочущих цвекков.

Молоко. Запах подогретого молока был настойчив и неприятен.

Часовых было трое. Вернувшись в свое тело после разговора с цхаром, Яр, не открывая глаз, сразу почувствовал их присутствие. Двое молодых и один постарше, двое сидят, один прохаживается взад-вперед. Судя по их уверенному настроению, все вооружены.

Да. Запах металла и оружейного масла.

И еще от всех пахнет потом.

Тело Яра было пристегнуто к чему-то металлическому и холодному обычными пластиковыми наручниками. Он висел на руках, склонив голову на грудь. Ноги ему связать не догадались. «В конце концов, это же не вояки, а обычные обыватели», – подумал он. Было прохладно, пол под ногами был твердый и ровный, веяло сквозняком и возникало ощущение, что он находится в каком-то большом помещении.

– Ц...

Произнесенный им звук был слышен только Яру. Он перестал что-либо чувствовать, ловя беззвучное эхо от стен. Да, нечто вроде прямоугольного ангара.

Слух Яра узким лучом медленно ощупывал помещение.

Дальше... Слева в закрытой комнате люди... Спят... Плохо спят...

Он почувствовал, как по спине течет струйка пота. Даже обучаясь вместе с ярранцами с детства, невозможно стать ярранцем самому. Но можно попробовать соединять умения Ярры и Земли. Яр внутренне улыбнулся. «Смерть это родник». Ты прав, Батр Цхар. Своей жажды я не чую, но вот жажда других сгущается, словно капли в туче, готовой пролиться дождем. И первая капля готова упасть.

Совсем близко хлопнула дверь, и застучали, приближаясь, шаги. Еще один.

– Ну, как вы тут? Не курили, надеюсь?

Голос говорившего был полон старческой хрипоты и снисходительности, настоенной на многолетней привычке повелевать.

– Здесь не должно курить, и мы это помним.

Этот голос явно принадлежал уверенному в себе мужчине средних лет.

– Хорошо, хорошо... Как он?

Тычок чем-то твердым под ребра. Яр не пошевелился.

– Да что ему сделается... – произнес совсем рядом тонкий ломающийся голос.

Яр начал дышать чуть глубже, стараясь максимально насытить тело кислородом. Где – то бесконечно далеко ему слышались убеждающие кого-то интонации цхара. Убеждающие кого-то большого. Очень большого.

– Да ты!..

– Кто тебе разрешал его трогать?!..

Возгласы старших слились в один, а затем послышался звук пощечины.

– Сколько раз можно повторять, – старческий голос кипел злобой, – когда их найдут, на телах не должно быть ни единого лишнего синяка. Это несчастный случай! Флаер над озером потерял управление, двери заклинило, и все! Никаких следов побоев!

Старик, с шумным звуком втянул слюну и продолжил:

– И я видел, Сашок, как ты на этих девок заглядывался! Только попробуй подойти к ним ближе чем на метр!

– Так все равно же... в озеро их... – забубнил обиженным баском Сашок.

– Я те дам все равно! Они все не отсюда, и поэтому все должно быть совершенно чисто, комар носу не подточит. Усек?

Новый звук оплеухи. Снова стук шагов и обрывки фраз вдалеке.

Яр открыл глаза и поднял голову. Картина, которую он построил на основе своих чувств, была верна. Это был довольно большой деревянный сарай, сквозь наметившиеся прорехи в потолке проглядывала металлическая кровля чердака. В углу столпилась ржавая сельхозтехника. Посредине помещения стоял гигантский блестящий бак из нержавеющей стали, вроде винопельного чана, метра четыре высотой, с подогревом. Теплый запах молока, как понял Яр, доносился именно оттуда. Рядом с баком на суперсовременном виловом погруз-

чике был укреплен большой деревянный крест из темного старого дерева, с которого свисали ремни для привязывания жертвы. Крест был пуст. «Пока пуст», – подумал Яр. Через дверь в правом углу в сарай по одному, по двое заходили люди: здесь были только мужчины. Обычные сельские жители в джинсах, сапогах, брезентиновых штормовках. Кое-кто был одет как на праздник: в потертые черные костюмы, начищенные ботинки, мягкие шляпы.

В двух шагах от Яра стоял красный как рак и длинный как жердь испуганный парень лет двадцати. В руках его было старое огнестрельное ружье. Вокруг парня нервно прохаживался высокий худой старик в джинсовом костюме с седым ежиком волос и явно ждал повода закатить своему подопечному еще одну пощечину. Чуть в стороне, поочередно глядели то на Яра, то друг на друга лысый толстяк в пиджаке с протертыми локтями и мальчишка лет пятнадцати. Толстяк сжимал темную от пота рукоятку гражданского станнера, оружия внешне выглядевшего как армейский мини-лучевик «Тесла-А», но по своей мощности малопригодного для чего-то более серьезного, чем оборона от бродячих собак.

Пластиковые наручники, на запястьях Яра крепились к двум трубам на стене сарая, он дернул за них, закричал и энергичным кхеканьем прочистил горло.

– Интересно, – сказал он, не обращаясь ни к кому конкретно, – карает ли господь за ошибки любящих его и уверенных в правоте своей, сильнее, нежели грешников, не ве-

дающих что творят?

Оба парня и толстяк вылупили на него глаза, а старик, чуть прищурился, двинулся к Яру скользящей походкой. Сейчас он напоминал изготавившуюся к атаке ирканскую лавовую змею, готовую прыгнуть из бурлящего раскаленной магмой гейзера на лицо незадачливому охотнику.

– Не тебе, языческое мурло, рассуждать об этих материях, – сказал старик вежливо и зло. Его рука исчезла под полкой куртки, и вернулась с зажатым в кулаке широким лезвием охотничьего ножа. – Лучше скажи-ка, псих, рассказывал ты кому-нибудь о Лиде и о мальчишке, кроме команды вашего корабля?

– Никому, кого вы могли бы знать.

Лезвие стало приближаться к глазам Яра.

– Кому я мог успеть сообщить?

Лезвие остановилось.

– Верно, псих. – Старик ухмыльнулся, оглядываясь на подхихивавших мужчин. – Все вы становитесь шелковыми, когда жизнь за шкуру возьмет.

– Вы тоже станете шелковым, когда ваши... – Яр поднял глаза к потолку, подбирая нужное слово, – ...ваши односельчане поймут что вы, скажу мягко, ошибаетесь в том, что творите. Когда они поймут, что детей приносили в жертву не богу, а вашей ошибке, думаю, вы станете похожи на шелковые лоскуты. И это случится очень скоро, дед Сергей.

Старик, как и ожидал Яр, не разозлился. Вызвать гнев

профессионального политика или проповедника не так-то просто.

– Я же говорю, не тебе об этом судить. Ты не в кладовке со своими друзьями по единственной причине – я хочу, чтобы ты сам почувствовал, насколько ты ошибаешься, пытаясь идти на поводу этой курицы-мамаши и пытаясь помещать нам. Этот человек пытается обвинять нас в жестокости. – Дед Сергей обвел глазами окружившую их кольцом молча сопящую паству. – Он не понимает... – Голос проповедника взлетел под крышу сарая вместе с воздетым кверху пальцем. – ...что пытается встать не на нашем пути, а на пути бога! И эта попытка смешна.

Толпа притихла и слушала. Некоторые смотрели на Яра сочувственно, но во взглядах большинства сквозила неприкрытая неприязнь. Среди обступивших его, он заметил одного из полицейских.

– Бог словно колесо, под которое ты сам кладешь свою шею, словно овца подставляющая горло под нож, ибо в том ее предназначение. Разве не был полон решимости Авраам принести в жертву сына своего Иакова, когда бог пожелал испытать силу его веры?

Мужчины вокруг закрестились. Теперь, когда его окружала толпа, Яру была видна только верхняя часть деревянного креста, укрепленного на погрузчике. В момент паузы в речи деда Сергея, он услышал щелканье пряжек, и на фоне верхушки креста мелькнуло бледноватое отрешенное лицо

Игорька.

– Или ты думаешь, – налившиеся кровью глаза деда Сергея неукротимо сверлили глазами Яра, – что мне не жалко собственного внука? Думаешь, я засомневался бы умереть вместо него, и скрыл бы, если бы раны христовы открылись на моих руках? Ты считаешь, что мы позволяем себе что-то иное, кроме как выполнить волю создателя? Показать ему, что как повелось издревле, от святых Кирилла и Мефодия и до дней сегодняшних мы готовы к жертве во имя и славу господя, кровью и молоком подтверждая силу нашей веры?

В толпе вновь закрестились, а Яр подумал, что ему повезло. Специально забалтывать старика, чтобы потянуть время не понадобилось. Напротив, дед Сергей пользовался разговором с пленником-иноверцем как поводом для проповеди, которая должна укрепить веру жителей Макеевки в то, что подобное жертвоприношение – единственно возможный и правильный вариант действий.

– Пойми, – голос деда Сергея стал тих и почти мягок, – раны Игорька в нужный час станут кровоточить сами, а мы всего лишь облегчим его страдания и скроем жертву от нехристей и язычников вроде тебя. От тех, кто не способен осознать величие сей жертвы. Кто не способен понять, что этот мальчик выходит на подвиг, равный библейскому.

Яр сглотнул слюну и громким трезвым голосом произнес:
– То есть если бы тебе и всем вам явился ангел, как он явился Аврааму и воззвал к вам, и остановил руку с жерт-

венным ножом, то вы бы прислушались к его голосу?

Дед Сергей развел руки и все тем же ласковым тоном ответил:

– Конечно! Как можем мы послушаться воли господа, которую он выражает через слуг своих!

Яр удовлетворенно кивнул.

– То есть если бы вы поняли, что ваше жертвоприношение негодно богу, или жертва бессмысленна, вы бы не стали...

Он не успел договорить фразу, когда увидел мелькнувшее в глазах деда Сергея беспокойство. Видимо он сообразил, что планировавшийся перед жертвоприношением диспут принимает странный оборот и бросил быстрый взгляд на стоящего неподалеку полицейского, который тут же выступил вперед.

– К чему нам эти споры с язычником? Почему мы должны перед ним объясняться? Это наша вера и наши обычаи!

«Верно!.. Ни к чему это!..», – зашумела толпа.

– Начнем же обряд! – провозгласил дед Сергей.

«Начнем!.. Во славу Божию!.. Да свершится воля его!..» – зашумело вокруг.

– А этот сам виноват, что сунул нос не в свое дело, – сказал полицейский и моментально вставил в рот Яру пластиковый кляп-распорку.

Зашипела пневмосистема погрузчика и крест с привязанным к нему ремнями Иорьком вознесся над толпой. Второй полицейский в кабине погрузчика ловко орудовал джой-

стиком, вытягивая металлическую шею машины в ее полную длину. Крест с мальчиком поднялся метров на семь над человеческими головами, и медленно поплыл в сторону, пока не завис над баком с молоком. Лицо Игорька по-прежнему было бледным и отрешенным. Воцарилась тишина. Все чего-то ждали.

Яр подумал, что если цхар успел довести до конца обещанное, то времени на вмешательство некоего *deus ex machine* остается совсем немного. Он постарался что-нибудь услышать, но все было тщетно. Ни единого знака со стороны духов... И ни малейшего признака появления полицейского спецназа, готовящегося выломать дверь. Только едва слышные постанывания приходящих в себя в кладовке. Впрочем, о беловодской полиции у Яра сложилось вполне определенное мнение и ему оставалось только просить духов о помощи и ждать чуда. Он подумал, что пластиковый ручник на левой кисти руки не слишком прочен, и когда все будут достаточно увлечены церемонией, можно будет попробовать рвануть его, повиснув всем телом...

Тем временем на передавленных ремнями разбинтованных руках мальчика стигматы открылись вновь, и первые темно-красные капли сорвались вниз с обеих рук почти одновременно. Яр насторожился: ему послышался еле слышный царапающий звук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.